

Сергей Красов

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Сергей Красов

Вторая попытка

«Издательские решения»

Красов С. А.

Вторая попытка / С. А. Красов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966214-9

Пенсионеру МВД Рагозину в 2011 году делают несложную операцию в больнице. Очнувшись от наркоза, он оказывается в восьмидесятых годах прошлого столетия в теле осуждённого, отбывающего срок в колонии особого режима. В этой же колонии работает оперуполномоченным старший лейтенант Рагозин. Встреча с самим собой молодым должна помочь исправить ошибки, допущенные в молодости, а также трагедии в жизни близких людей и страны в целом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966214-9

© Красов С. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	38
Глава 14	39
Глава 15	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вторая попытка

Сергей Андреевич Красов

© Сергей Андреевич Красов, 2019

ISBN 978-5-4496-6214-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Внимание! Время шесть часов утра. В ИТК-22 объявляется подъём!

После ухода на пенсию Вадим Рагозин часто видел сны связанные с работой, которой он отдал около двадцати лучших лет своей жизни. То он видел себя в звании лейтенанта, начинающего работать рядовым опером в той же колонии, откуда он ушёл на пенсию в звании майора. При этом он во сне радовался, как привычно и удобно на нём сидит офицерская форма и даже не обижался почему то, что начинает карьеру сначала.

То во сне оказывалось, что он опять вернулся в посёлок Пуксинка, где прожил эти двадцать лет в семи минутах ходьбы от жилой зоны колонии. Но в этом случае даже во сне было ощущение огорчения от осознания того, что по каким – то причинам он бросил ставший уже привычным Екатеринбург и вернулся в этот посёлок, затерявшийся среди болот на севере Свердловской области.

Но все подобные сны заканчивались хэппиэндом – счастливым пробуждением в привычной обстановке.

Вот и сейчас сквозь дрему Вадим понимал, что ему снится что то из той же серии «из прошлой жизни». Причём даже запах был в этом сне какой то специфически тюремный.

– Комендант жилой зоны, срочно прибыть к дежурному по колонии, – повторил тот же голос через дребезжащий динамик

Вадим сообразил, что он спит, укрывшись с головой одеялом. Повернувшись с бока на спину, он скинул одеяло с головы и, стряхивая с себя остатки сна, рывком сел.

– Повторяю. Комендант Игуменов, срочно прибыть в дежурку, – добавил тот же голос.

Сон продолжался. Из лампочки на противоположной стене расположенной в нише и закрытой решёткой, в глаза Вадиму резануло светом, показавшимся спронею ослепительным. Закрываясь от света ладонью, Вадим машинально вытянул вперёд правую руку и оторопел. Рука была чужая!

Сколько себя помнил Вадим, у него были интеллигентные руки с длинными «музыкальными» пальцами, выдававшими человека умственного труда. И никакими занятиями спортом и физической работой изменить этот «недостаток» не получалось. А тут в воздухе перед глазами висела здоровенная мужицкая лапа с какой то наколкой на кисти.

Вадим оторопело провёл взглядом по всей длине руки от кисти до плеча и убедился, что рука растёт из его тела. Вдобавок на плече красовалась наколка в виде оскаленной пасти какого-то зверя.

Быстро осмотревшись при свете не такой уж и яркой, как показалось вначале лампочки, Вадим с нарастающим ужасом сообразил, что находится в камере – стандартном помещении, предназначенном для содержания осуждённых особого вида режима, так называемом «закрытом бараке». Насмотрелся на такую «экзотику» за годы работы в колонии.

Слева от него в ряд лежало пять человек, почти все были с головой укрыты одеялами, в характерной позе спящего на боку человека. Кто-то похрапывал, кто-то переворачивался на другой бок. На секунду мелькнула из под одеяла стриженная голова.

Справа от него у стены лежал ещё один. Итого вместе с Вадимом семеро. «И столько же примерно на нарах первого яруса. Итого четырнадцать человек, – прикинул Вадим, – стандартная зековская «хата». То что режим именно особый подтверждали висевшие на стене полосатые телогрейки и шапки.

И главное, – запах! Этот специфический неопишувемый тюремный запах, которым здесь пропитано всё! Любая вещь, побывавшая в «зоне» и вынесенная за её пределы, обладает этим запахом дешёвого курева, мужского пота, мочи, какой то гадости, которой мажут «параши» для

дезинфекции и ещё нескольких компонентов входящих в состав этого запаха, происхождение которых не определишь.

Тело справа от Вадима зашевелилось, из под одеяла высунулась лохматая голова и, зевая и шуря глаза хрипло пробормотала:

– Чё вскочил, Валера, спи, рано ещё, выходной у нас сёдня, забыл? – И переворачиваясь на правый бок, натягивая на голову одеяло, сосед добавил сонным голосом. – Я вчера шнырям сказал, чтобы нам хавку в последнюю очередь подвозили, – и тут же сонно засопел.

«Так, значит я ещё и Валера», – подумал Вадим, послушно откидываясь на спину. Голос соседа показался ему знакомым, где то он уже слышал эту характерную хрипоту. Ужас, охвативший его сначала, начал отступать, сменившись лёгким волнением и любопытством. Уж больно натуральный сон. Вадиму и раньше, бывало, снились натуральные сны, точнее какие то фрагменты снов: голос давно умершего человека, звуки и запахи забытые ещё в детстве. Но это были какие то обрывки, которые с пробуждением куда то улетучивались и редко оставались в памяти. Но чтобы так конкретно и последовательно что то снилось, такого никогда не было.

Вросшая в подсознание привычка опытного оперативника анализировать любую самую сложную ситуацию и искать способы её решения, сработала и в этот раз. Отбросив в сторону эмоции и сразу успокоившись, Вадим выделил две возможные версии: или это сон, или... или это какое то фантастическое переселение души из одного тела в другое

В обоих вариантах нужно наметить линию поведения в создавшейся ситуации, пока не получится проснуться самому (если это сон), или пока не проснулись сокамерники (если это не сон), хотя бы для того, чтобы просто выжить. Для начала надо было вспомнить всё, что предшествовало пробуждению Вадим напряг память...

Глава 2

Где ещё может быть столько свободного времени для размышлений, как не в больнице? Доставленный на «скорой» с острым приступом панкреатита, Вадим уже на следующий день избавившись с помощью врачей от болей в области груди и живота, тосковал по дому. В этой палате на шесть человек ему придётся прожить ближайшие недели три, пока не успокоится воспалившаяся поджелудочная. Так что времени для размышлений у него достаточно.

Окинув очередной раз внимательным взглядом палату, Вадим тяжело вздохнул. По всей вероятности в свои пятьдесят шесть лет он тут самый молодой. Никаких общих интересов для разговоров не усматривалось. Тем более, что двое были не ходячими после перенесённых операций, да и остальные производили впечатление глуховатых и слеповатых стариков очень древнего вида. Телевизора не было ни в палате, ни на этаже. Туалет общий в середине отделения. В общем – тоска.

Неприятно покосившись на приготовленную для него сегодняшнюю порцию для капельницы, Вадим опять вздохнул. Надо набраться терпения часа на три.

Стоило только прикрыть глаза, как в голову полезли мрачные мысли. Сравнительно не старый ведь мужик, – вон рядом дедушки в восемьдесят лет ещё какие то операции делают, – а здоровье угроблено практически полностью. Язык устанет все болезни перечислять. За полгода уже четвёртый раз на «скорой помощи» прокатился. И, если рассуждать объективно и честно, не кривя душой, главная причина такого состояния организма – пьянка. Конечно, Вадим не считал себя конченным алкашом. Как-никак проработал в системе МВД около двадцати лет на оперативной работе в колонии особого режима, дослужился до майора, занимал солидные должности, закончил Академию МВД, вырастил сына и дочь, но всё свободное, а зачастую и служебное время – пьянка, пьянка, пьянка...

Мало того, что здоровье уничтожил, так ведь и все самые крупные неприятности в жизни были связаны с неправильным и неумеренным употреблением спиртного. А сколько друзей и знакомых досрочно ушли из жизни по той же причине...

Сейчас на больничной койке Вадим недоумевал, почему до него дошло только сейчас, что можно было прекрасно жить без спиртного. Только недавно нашёлся врач, который спокойно по-мужицки доходчиво объяснил, что ему с таким здоровьем не то что пить что то спиртное, но даже и есть можно далеко не всё. Что печень находится на грани, за которой до цирроза не хватает только маленького толчка. А за циррозом неминуемо идёт рак печени, но до него уже можно и не дожить.

Где этот доктор раньше был? Хотя в молодости кто думает о том, какое здоровье будет у него в старости? Только самые умные, продуманные. Но таких в окружении Вадима практически никогда не было. Иногда появлялись среди сослуживцев и знакомых «белые вороны», которые сторонились регулярных застолий или пили понемногу, тщательно контролируя принимаемую дозу. Но к ним и отношение большинства было каким то пренебрежительным, мол это не мужик, а так себе... Вадим не помнил, чтобы кто то из таких трезвенников сделал головокружительную карьеру. Скорее наоборот, карьеру делали те, кто умел пить с нужными людьми в нужный момент. Что, кстати, Вадим не умел делать абсолютно. Он пьянствовал только с друзьями. Или с теми, кого считал друзьями.

Пьянство было и остаётся нормой жизни. Причём на всех социальных уровнях – от бомжей и до министров.

Мрачные размышления прервала молоденькая медсестра. Погремела возле койки Вадима штативами с колбами, перетянула жгутом ему руку выше локтя и стала искать вену.

– А вот с венами у меня проблема, – сказал ей Вадим, доверительно понизив голос, – не подумайте, я не наркоман. Просто пережил однажды сильное желудочное кровотечение.

Меня тогда неделю продержали на капельницах, причём вливали в обе руки круглосуточно, вот вены с перепуга и попрятались.

– Ай, найдём, не переживайте, – улыбнулась ему фея в белом халате, и действительно, с первой попытки попала куда надо. Подрегулировала скорость капель в системе и, грациозно ступая походкой манекенщицы, удалилась из палаты. Машинально упёршись взглядом в стройную фигуру ниже талии, Вадим глазами проводил её до двери и прикрыл веки.

«Были и вы рысаками когда – то...», – вспомнились слова старинного романса. Сбросить бы лет тридцать... Хотя сейчас уже не до молоденьких женщин. Судя по всему, пора приглядывать место под берёзкой на ближайшем кладбище с видом на окрестности живописнее, чтобы родственникам было приятнее тебя навещать, подольше посидеть, выпить...

Что происходит на кладбищах в родительские дни, особенно на Радуницу, Вадим знал не понаслышке. Пока он служил за Уралом вдалеке от родных мест и от могил предков, эта тема его мало интересовала. Хотя временами накатывала обида на судьбу, что в родительский день и сходить то некуда.

Два года назад Вадим с семьёй наконец перебрался с опостылевшего Урала в Беларусь, которую считал своей родиной. Хотя родился он в Смоленской области, но все самые яркие воспоминания детства и юности были связаны с этими краями. Здесь под Витебском в далёком детстве он проводил почти все летние каникулы. В деревне Узварцы, которая в настоящее время вошла в состав агрогородка Новка, жили родители его матери – дед и бабушка. Все многочисленные двоюродные братья и сёстры, с которыми Вадим вместе вырос, до сих пор так и жили здесь, постаревшие, обзаведшиеся детьми и внуками.

Нет уже давно деда с бабушкой, здесь же похоронена мать Вадима, рядом с ней погибшая в молодости его сестрёнка Лилька, два брата матери, его дядьки.

На Радуницу, посетив сначала могилы родственников разбросанные по разным кладбищам, вся родня собиралась у родоначальников деда и бабушки на кладбище в центре посёлка Новка. Так как большинство уже успело причаститься, выпив за упокой предков, участники мероприятия очень быстро забывали о главной причине, заставившей их здесь собраться. Тем более, что многие только здесь и встречались раз в году, хотя и жили недалеко друг от друга. Родственники делились на небольшие группы, – по возрасту, по интересам, кое-где уже раздавались взрывы смеха. В общем, печальное поначалу мероприятие постепенно перерастало в весёлый пикник на свежем воздухе. Как то само собой забывалось, что действие происходит на кладбище. Наиболее стойкие в сумерках перебирались на ближайшую квартиру, где веселье продолжалось уже без оглядки на предков.

Последние годы жизни на Урале Вадим из спиртного употреблял только пиво

Переехав в Беларусь, Вадим был вынужден отметить это событие с каждым из своих многочисленных родственников отдельно, иногда в различных сочетаниях.

А так как большинство белорусов пиво вообще не признавали спиртным напитком, пришлось подстраиваться под интересы собутыльников. В результате через полгода пошатнулось и без того не очень крепкое здоровье. Особенно донимал камень в желчном пузыре, который был обнаружен в организме Вадима около семи лет назад. Раньше он Вадима особо не беспокоил, да и мнение врачей делилось поровну. Одни – за то, что камень надо удалять немедленно, другие, наоборот, убеждали, что в организме ничего лишнего нет, поэтому желчный пузырь, который в таких случаях удаляется вместе с камнем, лучше сохранить. И только здесь в Витебске один из врачей сказал Вадиму, что наличие камня в желчном очень быстро изнашивает поджелудочную, развивает панкреатит, что в свою очередь делает оставшуюся жизнь очень болезненной и короткой. Тем более, что другие органы тоже изрядно подпорчены бурной молодостью и ненормированным рабочим днём. В пятьдесят шесть лет – полная развалина.

В этот раз Вадим был настроен решительно на операцию. Тем более, что живот разрезать не требовалось. Обещали удалить камень через прокол в брюшине, точнее в таких случаях

делают четыре дырки. Операции Вадим не боялся, смущало только, что делают её под общим наркозом.

В прошлый раз, когда Вадим лежал в больнице на обследовании, его соседом по койке был одноногий общительный мужик одногодок по имени Юра, который рассказывал ужасы про общий наркоз. Точнее про его заключительную часть, когда больной просыпается после операции.

– Представляешь, – делился опытом Юра, – ты просыпаешься, сознание работает, всё слышишь, а пошевелиться не можешь, лежишь, хлопаешь глазами как кукла, в рот засунута трубка прямо в лёгкие, воздуха не хватает. Этот аппарат из тебя весь воздух высасывает, в какой то момент ты начинаешь задыхаться, почти теряешь сознание и чувствуешь, как потихоньку воздух начинает прибывать. И так минут тридцать – сорок. Сёстры ходят вокруг. Разговаривают о чём-то личном, на тебя ноль внимания. Хочется им крикнуть: « Вы что, суки, не видите, я задыхаюсь?!», а сам даже пальцем пошевелить не можешь. Такая злость на них, кажется, убил бы всех! А потом, когда всё заканчивается, осознаёшь, что всё позади, и на радостях всех прощаешь. Есть там ещё один неприятный момент, когда действие лекарства заканчивается, – отходняк, тошнит, можешь поблевать, но это недолго, – несколько минут. После хорошей пьянки бывает целый день в таком состоянии, так что это мелочь.

Глава 3

За сутки до того как Вадим оказался в камере с зеками был день подготовки к операции. Этот день Вадим помнил во всех подробностях. Утром после завтрака к нему заехала дочь Наташа с мужем. Несмотря на протесты Вадима, загрузили его тумбочку фруктами и другими продуктами. К чему это, если перед операцией ужинать запрещено, а после операции весь день голодать?

Жене Вадим категорически запретил навещать его в больнице. Почти на весь день она должна отвлекаться от своих домашних дел, тащиться через весь город на общественном транспорте с пересадками, и всё ради чего? Поговорить можно и по телефону. С тех пор как изобрели сотовую связь, проблема обмена новостями отпала. Вадим не понимал необходимости бесконечных посещений многочисленными родственниками соседей по палате. Одна делегация за другой, конвейером. Иногда в палате посетителей набивалось больше, чем больных. И все несут продукты, которые спокойно можно купить на первом этаже в буфете самому больному. Поразмыслив, Вадим пришёл к выводу, что это или ставшая догмой норма поведения, традиция, берущая свои истоки из глубокой старины, или люди хотят продемонстрировать свою любовь больному родственнику. То есть сплошная показуха и лицемерие.

После обеда Вадим долго разговаривал по телефону сначала с женой, которую долго уговаривал не волноваться и меньше переживать за него, а то у неё и так сердце ослаблено перенесённым пять лет назад инфарктом. Потом позвонил сын Антон и пьяным голосом стал жаловаться, как он плохо себя чувствует. Сыну при переезде Вадим купил отдельную квартиру в центральном районе города, что бы поменьше его видеть. На Урале в последнее время Антон пил всегда, как только у него появлялись деньги, а так как жили все под одной крышей, скандалы в семье были постоянным явлением.

Здесь в Витебске Антон продолжал привычный образ жизни, выматывал все нервы родителям. Правда, теперь – на расстоянии.

Вот и сейчас, казалось, Антон не слышит, что у отца утром операция, он говорил только о себе, что ему плохо, скучно, подруга Нинка куда то ушла... Вадим, не стесняясь в выражениях, отmaterил его, пообещал вылечить «влупелином» при первой возможности и отключил телефон.

Около восьми вечера молоденькая санитарка увела Вадима в комнату с надписью «клизменная», уложила его на кушетку и побрила ему волосы на лобке. Вадим на всякий случай предложил оказать ей такую же услугу, но девица никак не среагировала и ушла, громко цокая босоножками. « У неё, наверное, волосы там отрастать не успевают, – слишком много желающих, помоложе меня», – решил Вадим.

Утром его заставили раздеться догола, сдать все вещи на хранение, положили на каталку и быстро повезли по коридорам, подняли на лифте на несколько этажей выше и вкатили в операционную.

Потом с полчаса Вадим лежал на холодном столе и слушал разговоры готовящихся к операции сестёр. Он много узнал интересного об их низкой зарплате, о детских капризах и сволочках – мужиках и ни слова о самой операции. Пока Вадим гадал, кто из хирургов будет его оперировать, сестра, находившаяся ближе других, не прерывая рассказа о любимой кошке, сделала ему укол в вену. Через некоторое время она же поднесла к его лицу какой-то предмет и сказала: « Вдохните».

Вадим машинально вдохнул и ...отключился.

Глава 4

Как ни напрягал Вадим память, но операционная – это было последнее, что он помнил. Он знал, что операция длится не более получаса, наркоз рассчитан на сорок минут, и он должен очнуться в реанимации. Но, – оказался в какой то зековской камере, да ещё и в чужом теле.

Вадим так много читал о случаях реинкарнации, что вполне допускал возможность переселения души из одного тела в другое. Но там во всех случаях душа умершего переселялась в тело новорожденного. А здесь... Если допустить, что он умер во время этой в общем то пустяковой операции, то почему его душа переселилась в тело взрослого человека. Произошёл сбой в какой то мистической божественной программе? И куда делась душа из этого тела?

Вадим мысленно позвал про себя: «Эй, Валера, ты где?» – Надеюсь, что в мозгу отзовется чужой голос, но ничего не услышал. Может, душа Валеры переселилась в его тело? Вот будет номер, когда очухается после операции. Поди, притихнет, осмотрится, и будет жить вместо Вадима на его пенсию, заработанную нелёгким трудом. На свободе то по любому лучше, чем в тюрьме. Тем более работать не надо, – пенсия приличная. Квартира, машина есть, заботливая жена накормит вовремя и стирает. Живи да радуйся.

Прикинуться потерявшим память... А ведь для него самого это, пожалуй, лучший вариант. Хотя бы на первое время? Интересно, кто этот человек в теле которого он находится? Вадим приподнял над одеялом обе руки, сжал кулаки. Ничего себе кувалды! Провёл ладонями по груди, пошевелил плечами, напряг и расслабил мышцы. Ощущалось молодое здоровое налитое силой тело с крепкой мускулатурой. Впервые за последние годы нигде ничего не болело, не ныло, не покалывало, не пощипывало! Даже зубы, проверенные языком, по всей вероятности, были все целы! Хотя что то положительное в этой ситуации.

На нижних нарах кто-то закашлялся, ругнулся вполголоса и заскрипев досками, спустился на пол. Послышались шаркающие шаги, потом что то брякнуло и зажурчало.

«Кто-то на парашу пошёл, поссать, – догадался Вадим. – Интересно, а какое место во внутрикамерной иерархии занимает этот Валера, в тело которого я вселился?» Насколько Вадим разбирался в этом вопросе, на верхнем ярусе в камере располагались те, кто поавторитетнее, на нижнем – мужики попроще, под нарами, понятно, – «петухи», если такие вообще есть в камере. А может тут вся «хата» петушина?

От этой мысли Вадима передёрнуло. Хотя с такой богатырской фигурой, как у Валеры, в петухи попасть маловероятно. За редкими исключениями... Дальше. С краю у стены обычно располагались главные люди в камере. Это мог быть бригадир, если здесь действует принцип бригада – камера, как было когда-то в ИТК – 22 позже объединённой с ИТК – 14, где Вадим проработал до пенсии. Или это мог быть криминальный авторитет камерного или более крупного масштаба. Рядом обычно располагались ближайшие друзья. Таким образом, подвёл итог своим размышлениям, Валера тут в камере на главных ролях, – если не самый крутой, то где-то рядом.

– Открытая зона, выходим строиться на завтрак! – Продребезжал динамик на стене.

«До чего же всё знакомо», – подумалось Вадиму.

Между тем сонная камера начинала оживать. То один, то другой сокамерник зевая и почёсываясь, выбирались из под одеял и направлялись к перегородке у противоположной стены, где по всей видимости находилась «параша». Рядом с перегородкой на стене висел ручной мойник, но к нему из всех подошёл только один худощавый зек. Он долго мыл руки, тщательно намыливая их куском хозяйственного мыла, лежавшего рядом на полочке.

– Чё, Шплинт, опять всю ночь Дуньку Кулакову гонял? Грехи отмываешь? – Съехидничал чей то негромкий голос с нижнего яруса нар.

– По себе судишь, Карзубый, – вяло вполголоса огрызнулся Шплинт, вытирая руки полотенцем.

– А чё, я иногда за ночь два раза успеваю, – довольно хохотнул тот же голос невидимого Карзубого.

– А сегодня сколько успел? – Шплинт уселся на лавку возле стола и начал сворачивать самокрутку.

– Сегодня спал без задних ног. Весь день на эстакаде корячился. Сцепы шли один за другим. Шпана с кем то увязал... И древесина то хорошая.

– Можно подумать, ты один у нас баланы катаешь, а остальные смотрят, – процедил Шплинт, блаженно затягиваясь дымом. Камеру наполнил густой запах махорки.

– Да нет, все пахали, – стушевался его собеседник. – Бугор у нас молодец, умеет договариваться, весь хороший лес вчера к нам попал. Две нормы дали. Что будем делать, когда Шпана откинется...

За дверью послышался грохочущий звук, как будто кто то катался на самокате. В дверь что то стукнуло, в круглом отверстии посреди двери мелькнул чей то глаз, и послышался громкий шёпот:

– Эй, кто там? Маляву примите. Шпане от Германа. Шплинт подскочил к двери, ловко выхватил просунутый в глазок небольшой бумажный квадратик, развернулся лицом к нарам, и глядя на Вадима, который лежал подперев кулаком голову и внимательно наблюдал за событиями в камере, спросил:

– Бурый, не спишь? Толкни Шпану, тут малява ему.

– Да не сплю я, – кудлатый, лежавший справа от Вадима, откинул одеяло, рывком сел и протянул руку, слегка наклонившись вперёд. – Давай сюда. И свет включи, пора уже, не видно тут ни хрена.

Шплинт метнулся к стене, щёлкнул выключателем. Но ещё до того, как помещение залил яркий свет, Вадим ошалело уставился на соседа.

Рядом с ним сидел на нарах осуждённый Захожий Владимир Маркович по кличке Шпана. Особо опасный рецидивист, бригадир разделочной бригады №2. Причём абсолютно такой, каким его и помнил Вадим. Лихорадочно соображая, Вадим прикинул, что Шпана освобожден в начале восьмидесятых, он – Вадим, тогда ещё учился заочно в академии МВД на втором или третьем курсе. И когда он был на сессии в Свердловске, Шпана вместе с таким же бывшим зеком по кличке Царапанный нашли в миллионном городе в какой именно гостинице остановился их бывший начальник и завалили к нему прямо в гостиничный номер «с визитом вежливости». Планы у них были конечно стратегические с дальним прицелом. А что – подкупить молодого опера, потаскать его по кабакам, подсунуть девок. Глядишь, – стал бы своим, «ручным». Можно было бы решать через него какие то проблемы в зоне, братву «подогреть». Но дальнейшее развитие эти планы не получили. Царапанный через несколько месяцев по пьянке повесился. А Шпана регулярно приезжал в посёлок Пуксинка, где располагалась родная колония. «Грел» братву и для прикрытия привозил по заказу техрука какие-то дефицитные запчасти.

Глава 5

В то время Захожему было лет 40 -45. То есть сейчас ему должно быть далеко за семьдесят. Но выглядел он не старше сорока пяти. То то его хрипловатый голос сразу показался знакомым. И тут словно молнией в голове у Вадима сверкнула догадка. Как-то сразу сопоставилось и услышанное из динамика « ИТК-22», «комендант Игуменов», и «тюремный» запах, и не постаревший Захожий... Первые годы работы Вадима после окончания Вильнюсской спецшколы МВД СССР всё именно так и было. И колония называлась ИТК-22. Это уже после объединения с соседней ИТК-14 она и стала называться ИТК-14. И комендантом этой колонии несколько лет был осуждённый Игуменов, сумевший настолько влезть в доверие к начальнику колонии Боголепову, что стал уже фактически диктовать ему свою волю и свысока поглядывать на некоторых сотрудников в погонах. Закончилось это тем, что молодой тогда ещё опер Вадим Рагозин сумел через друзей из оперотдела Управления, в обход своего начальника, отправить Игуменова в другую колонию.

«Ни хрена себе подарочек судьбы, – пронеслось в голове у Вадима, – по всей видимости, я не только в чужой шкуре, но и в прошлом!»

Вторая разделочная бригада, бригадиром которой был Захожий, содержалась во втором корпусе в первой камере. Это Вадим помнил хорошо, как и все свои первые годы работы здесь. Первые впечатления были самыми острыми и врезались в память на всю жизнь. Это потом, когда работа стала обыденностью, когда уже врос в эту жизнь с потрохами, в памяти откладывались только самые яркие моменты. В этой самой камере в начале своей карьеры Вадим даже проводил политзанятия по понедельникам. Такой был порядок. Некоторые из мелькавших в камере лиц показались знакомыми, но ни фамилий ни кличек Вадим пока не вспомнил.

Между тем Шпана развернул полученную записку и, пробежав глазами, пробормотал, озадаченно глядя на Вадима:

– Герман спрашивает, кто из нас сегодня пойдёт на биржу, а то он не знает, где мы ключ гасим. Чёрт! Совсем из башки выбило! Там же Мурка с котятами закрыта! Замерзнет нахрен, мороз за тридцать. И подтянувшись к краю нар. свесил вниз голову, позвал:

– Быня! Выйдешь по пятой бригаде, я Германа предупрежу.

– А чё я? Крайний что ли? – Пробурчал чей то сиплый голос с нижнего яруса.

– А кто ещё? Ты повар, ты ключ прячешь, да и скотину в бригаде ты развёл, вот и корми их. И потом, тебе баланы катать не надо, а мужики пусть сил наберутся. Ничё, прогуляешься по свежему воздуху, печку протопишь, а пожрать в пятую сходишь. Да ихнему повару может чем поможешь.

– Ладно...

– Шплинт, позови шныря, – Шпана кряхтя стал спускаться с нар.

Шплинт, подойдя к двери, сначала прижался лицом к решётке, пытаясь что то рассмотреть в коридоре через отверстия в наружной двери, потом громко позвал:

– Кислый, подойди к первой.

Через несколько секунд за дверью послышалось глухое « Чё надо?»

Шпана, отодвинув рукою Шплинта, подошёл вплотную к двери и негромко стал объяснять невидимому собеседнику:

– Передай Герману, что наш Быня выйдет по его бригаде. Да, нарядчику сможешь сказать, чтобы карточку перекинул?

– Сейчас отрядный пойдёт в открытую, через него передам.

– Харэ, давай...

Вернувшись на нары, Шпана, мельком взглянув на Вадима, поинтересовался:

– Чё сидишь как истукан, Валера? Сон интересный приснился? Перевариваешь?

Вадим понимал, что отмалчиваться постоянно у него не получится. Выдавать себя за Валеру, не зная ничего о его жизни, характере, положении в этом тюремном обществе, тоже не получится. Лучший вариант – косить на провал в памяти, что Вадим и сделал:

– Ничего не понимаю, – сказал он, удивившись собственному голосу. Откуда то изнутри организма вырывался рокочущий бас. Полный такой животной силы, что Вадим даже поперхнулся от неожиданности. – Кто я такой. Что здесь делаю? Ничего не понимаю...

– Чё, гонишь что ли? В дурку решил съездить? – С насмешкой спросил Шпана, настороженно присматриваясь к нему.

– Да не гоню я! – Рывкнул Вадим неожиданно громко и с каким то волнением и надрывом. – Говорю же ничего не помню!

В камере мгновенно наступила тишина, все головы повернулись к Вадиму. В их взглядах любопытство было смешано с каким то непонятым испугом.

– Ты, Валера, не волнуйся... и, главное, не психуй. – Шпана положил ему руку на плечо. – А то мы тебя знаем. Распихуешься, куда мы тут гаситься будем? Тут речки нет! – Добавил он с улыбкой. Его поддержали подобострастно – угодливыми смешками.

– Да я и не психую. Просто не помню ничего... Какая речка? О чём ты?

– Ты чё, в натуре ни хрена не помнишь?! Подожди! Карташ! Вы вчера случайно с Бурым ничего не пили? Может таблетки какие попробовали или курнули чего? Я видел, вы на съёме о чём то шушукались в загоне...

– Не, ты чё, Вова, – сидевший на постели слева от Вадима крепкий с виду мужик помотал стриженной налысо головой. – С последнего этапа в механизацию наш земляк пришёл, тоже визовский, вот я Бурому и рассказывал последние новости, что от него слышал. А насчёт бухалова, – после того случая летом – Бурый вообще ни капли не пил, я слежу, да он и сам не хочет. Колёса и травку он никогда в жизни не употреблял. Тут чё то не то... Слышь, Бурый, а ты вообще ничего не помнишь? Нас то узнаёшь?

– И вас я не знаю, и как я здесь оказался не понимаю. А то, что я помню вот к этому, – Вадим обвёл рукой камеру, – никакого отношения не имеет. И почему я Бурый?

– Потому что фамилия у тебя Бурдаков. Да и вообще ты по жизни бурый, в смысле борзый, чуть что, – прёшь буром, как трактор. Напролом. А силой тебя Бог не обделил, за пятерых отмерил. Помнишь, как ты летом бухой всю нашу бригаду в речку загнал? И нас со Шпаной не узнаёшь? Мы с тобой уже три года пайку ломаем. Что ты вообще помнишь?

– Подождите. Какое сейчас число, месяц, год?

– Девятое, нет, уже десятое ноября восемьдесят второго года, – Шпана широко улыбнулся, сверкнув золотой фиксой, – мне до звонка ровно неделя осталась. Семнадцатого свалю от хозяина.

– *Тысяча девятьсот* восемьдесят второго года? – Переспросил Вадим, ошалело глядя на Шпану.

– Ну не восемьсот же, – хохотнул тот.

– Так вот... – Вадим выдержал паузу, лихорадочно прикидывая, что можно сказать, а что – нет. – Так вот, вчера у меня было 15 марта 2011 года. Мне было пятьдесят шесть лет. Офицер запаса, шестнадцать лет на пенсии, лежал в больнице в городе Витебске, готовился к операции по удалению камня в желчном пузыре. У меня была жена, с которой прожил более тридцати лет, двое взрослых детей. Последнее, что я помню, это как меня вкатили в операционную, сделали укол в вену и дали понюхать маску с наркозом. Проснулся здесь.

Вадим говорил негромко, но чувствовал, как его мощный бас наполняет собой всю комнату. Его слышали все сокамерники. Шпана смотрел на него с жалостью, как на больного. У Карташа отвисла челюсть. Он пару раз судорожно сглотнул, потом медленно протянул, растягивая слова:

– Ни хрена себе, как у тебя башню сорвало. Такое в натуре только под наркотой может померещиться. Офицер запаса, жена, дети... Какие дети, ты с малолетки отсюда не вылазишь! На свободе был один раз несколько дней и опять сюда...

– А вот этого я совсем не помню. Бурый... Валера... зона, ни малейшего проблеска...

– Подожди Карташ, – Шпана огляделся вокруг и рывкнул, – ну, хуля устались! У нас тут свой базар... Слияли все! Быстро!

Вокруг мгновенно стало пусто. На верхних нарах они остались втроём. Хотя куда можно слинять в закрытой камере Вадиму было непонятно.

– Слышь, – добавил Шпана вполголоса, обращаясь к Карташу, – ты обратил внимание, что он базарит как то не так... Бурый больше трёх слов подряд вообще редко когда говорил, а тут целая речь. И ещё как то, – Шпана замялся, подбирая слово, – грамотно уж больно, что ли...

– Точно ты подметил! А я смотрю, чё то не то... и не пойму, что именно.

Глава 6

В этот момент с лязгом распахнулась входная дверь, и уже знакомый Вадиму голос с коридора объявил:

– Завтрак. Первая хата, вы одни остались.

– Ты жрать то хочешь? – Шпана участливо взглянул на Вадима, – пойдём похамаем, потом продолжим.

Вадим действительно уже давно ощущал чувство голода. Молодой здоровый организм Валеры требовал своё. Запах еды, наполнивший камеру, вовсе не показался каким-то отвратительным, скорее наоборот. Видимо Валера привык к такому питанию. И мочевого пузыря давно уже требовал облегчения.

– И не только жрать, – Вадим посмотрел на перегородку у парашаи.

– Это у нас запросто, – понял его Шпана и полез вниз, за ним Карташ.

Вадим неловко спустился с нар, под внимательными взглядами сокамерников прошел к перегородке, с удовольствием помочился в деревянный бочонок, подошёл к умывальнику, вымыл руки, ополоснул лицо, потряхивая кистями рук, растерянно оглянулся в поисках полотенца.

– Держи свой полотенчик, – подвернувшийся Карташ услужливо протянул ему вафельное полотенце. Вадим вытер руки, вернул Карташу полотенце и проследил, куда он его повесил. Потом вместе с Карташом они подошли к двери, где через прямоугольное отверстие получили от баландёра по железной миске с порцией пшённой каши заправленной жиром.

– Привет Бурый! Где твоя кружка, – стоявший рядом с раздатчиком осуждённый держал в руках черпачок, которым он отмерял норму сахара из железной миски и отсыпал в подставленные кружки.

– Привет, – машинально ответил Вадим и чуть было не добавил «Кислый». Эту хитрую лисью рожу он сразу узнал. Осуждённый Кислицын был дневальным второго корпуса в годы его молодости, пользовался доверием администрации, «стучал» в оперчасть на тех, кто ему не нравился или мешал в чём-то. Пользуясь тем, что у него были ключи от кабинетов начальника отряда и оперчасти, однажды обнаглел, поставил брагу в кабинете оперчасти. За что был списан в бригаду по заготовке дров на лесобиржу.

Вадим вспомнил, как Кислый унижался, падал на колени, и размазывая слёзы, просил простить его. Потом на бирже освоился, убедился, что убивать его никто не собирается, даже выбился в бригадиры. После работы по вечерам вместе с другими бригадирами сидел на совещаниях в кабинете начальника колонии. Зазнался.

Когда при освобождении, получил в кассе отделения деньги, заработанные в течении срока, купил водки в поселковом магазине, тут же её оприходовал и навеселе направился в аэропорт. По дороге он встретился с идущим на обед Рагозиным, тогда ещё старшим лейтенантом. Чувствуя себя вольным на равных с бывшим начальником, Кислый заявил ему, что знает всё о делишках руководства и стоит ему только добраться до «большой земли», здесь у многих погоны снимут.

На что Вадим, усмехаясь про себя, спросил с серьёзным лицом:

– Ты никому не говорил об этом? До Большой Земли ещё добраться нужно. Тут иногда по трое суток улететь никто не может. А с теми, кто много знает, сам понимаешь что случиться может. Как ты думаешь, сколько таких знатоков в этом лесочке закопано? Мы ведь за вашу шкуру отвечаем только пока вы у нас числитесь. И искать то вас никто не будет. Ну не доехал и не доехал. Мало ли где мог потеряться. Вы ведь там даже родственникам своим и на х... не нужны, только проблемы создаёте.

Насчёт трупов в лесочке Вадим конечно присочинил, но Кислый сразу как-то протрезвел, настроение у него явно испортилось, и он молча засеменил в сторону аэропорта.

И сейчас, глядя на черпачок в руках у Кислого, Вадим знал, что там на дне как бы случайно прилипло около пяти граммов сахара, в результате чего порция каждого осуждённого уменьшалась на эти самые граммы. Умножаешь на 150 – 200 человек в бараке и имеешь около килограмма сахара с каждой раздачи.

«Ладно, живи пока,» – подумал Вадим, и подойдя с полной миской каши к столу, спросил:

– А где моя кружка?

Шпана, сидевший за столом, молча приподнялся, достал с полки на стене зелёную железную кружку, снял с неё самодельную крышку из фольги и протянул Вадиму. Тот, подойдя к двери, просунул её в окошко, раздатчик налил черпаком чая, а Кислый ловко зачерпнул из миски сахар своим черпачком и высыпал его в кружку. Разглядеть дно в мелькнувшем черпачке было невозможно.

За столом пустовало только одно место, – рядом с Карташом напротив Шпаны. Вадим молча сел туда и набросился на кашу. Аппетит был зверский.

Последние года полтора Вадим придерживался строгой диеты. Врачи убедили. Разъяснили бестолковому пациенту, что если он хочет ещё хоть немного пожить, то должен отказаться от жирного, копчёного, солёного, маринованного, жареного и т. д. и т. п. О спиртном нужно забыть вообще. Что собственно Вадим и сделал. Но всё было уже так запущено, что помогало это мало. А тут он уплетает за обе щёки какую-то зековскую кашу с мелкими кусками свиного сала и хоть бы что.

«Хоть что-то есть хорошее в этой истории», – усмехнулся про себя Вадим. Все ели молча, иногда искоса бросая на него любопытные взгляды. Вадим упёрся взглядом в миску, работая ложкой, а сам прикидывал ситуацию. Получается, что сейчас 1982 год и это ИТК-22 в посёлке Пуксинка, то где-то здесь рядом должен быть и молодой Вадим Рогозин, то есть он сам, только моложе почти на тридцать лет. Шпана освобождается через семь дней, а дня через два-три после освобождения они с Царапанным навестили его, то есть молодого Рагозина в гостинице Юбилейная в Свердловске.

«Значит я сейчас в отъезде, на учёбе? Или нет? Чёрт! Когда сессия началась? Как тут вспомнишь, столько лет прошло... Так..., они пришли на второй день моего пребывания в Свердловске. Значит я, то есть молодой Вадим, пока дома! – Вадим с облегчением вздохнул про себя. – Под любым предлогом нужно обязательно встретиться с самим собой – молодым. Раз уж судьба подбросила такой шанс, надо хотя бы попытаться им воспользоваться. Попытаться убедить себя – молодого – избежать ошибок допущенных мною. Хотя бы самых грубых, оказавших серьёзное влияние на судьбу, здоровье, карьеру, семью... Ё – моё! Так ведь сестрёнка Лилька ещё жива!»

От этой мысли Вадим чуть не подавился. Смерть сестры в тридцать два года вообще была дикой нелепой случайностью. И он сейчас имеет возможность это предотвратить! Пусть даже это сон. Какой-то нереально правдоподобный затянувшийся сон. Но даже во сне сохранить жизнь сестре он просто обязан! Ну хотя бы попытаться!

Покончив с кашей, Вадим отхлебнул чая из кружки, и посмотрев на Шпану задумчиво сказал:

– Какое ты говоришь сегодня число?

– Десятое ноября одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года, – глядя на него как на дурака, по слогам проговорил Шпана и на секунду задумавшись, ехидно добавил, – от рождества Христова. И довольный своим остроумием, заулыбался.

– Получается, что сегодня Брежнев умрёт, – так же задумчиво проговорил Вадим.

– С чего ты взял? Приснилось что ли?

– Точно. Сегодня. На день милиции. Только скажут об этом не сразу. На следующий день в двенадцать часов объявят, по местному в два часа дня. А пока по телевизору и радио всякую хрень будут транслировать вместо новостей. Типа «Лебединого озера»

– Ни хрена себе! Ну ты даёшь! – Шпана залпом допил остатки чая. – Пошли наверх, мы не добазарили.

Пропуская Вадима и Карташа вперёд, Шпана громко сказал, обращаясь ко всем:

– Никому к нашему базару не прислушиваться, и что б из хаты ничего не вышло! – И повернувшись к пухлому мужику, одевавшему бушлат, добавил, – Быня, на бирже про Бурого никому ни слова. Узнаю, что трепанул, – спишу с бригады.

– А я ничего и не знаю, чего трепать?

– Ну и лады, – Шпана полез на нары.

– Открытая зона, подходим к площадке развода, – прохрипел динамик, – второй корпус, выпускаем людей на работу.

Залязгали засовы открывающихся камер, гул от топота десятков ног заполнил коридор. Распахнулась и дверь второй камеры, вышел один Быня.

Глава 7

– Слушай, Бурый, ты поосторожнее насчёт Брежнева и вообще... Знаешь как у ментов разведка поставлена, в каждой хате шпионы есть. За такие базары КГБ возьмёт тебя на заметку, вообще душно станет. – Шпана распечатал пачку «примы», взял из неё сигарету и протянул пачку Вадиму. Тот оглянувшись, передал её Карташу. Начавший вытаскивать сигарету из пачки Карташ, вдруг замер, оторопело глядя на Вадима:

– А ты что не будешь?

– Не курю.

Шпана, начавший прикуривать, замер с горящей спичкой в руке. Переглянувшись с Карташом, он еле выговорил:

– А вчера ты ещё курил..., – и замахал обожжёнными пальцами, так и не прикурив, – слушай, я в натуре начинаю верить, что ты это не ты. Слышь, Карташ, ты бы смог бросить курить ради какой-нибудь симуляции?

– Курить вообще бросить невозможно, – философски заметил Карташ, раскуривая сигарету, разве что в Шизо за пятнадцать суток, если «греть» не будут. Да и то, – выйдешь, сразу закуришь.

– Вот- вот. Бурый, или как тебя там,, ну, расскажи тогда нам, что ты помнишь о той, другой своей жизни. Как зовут, чё делал, ты говорил, офицер какой – то...

– Да офицер, майор запаса, на пенсию ушёл в сорок лет по выслуге и состоянию здоровья, служил год за полтора, вот стажу и набежало. – Вадим начал говорить правду, но понимая, что всё говорить здесь нельзя, начал импровизировать. – Закончил сначала Ульяновское военное училище, затем Военно-политическую Академию. Принимал участие в боевых действиях в Афганистане, потом в Чечне. Два ранения, – пулевое и осколочное, контузия. Подождите! А мы где сейчас находимся? То что в зоне, я понял, а где эта зона находится? В каком городе?

– Городе?! – Шпана заржал, – Пуксинграде! Севураллаг! Свердловская область Гаринский район посёлок Пуксинка, ИТК – 22. Это наш почтовый адрес. Все мы тут служим. У генерала Кумова! Ты интересно чешешь. Ну ладно – Афганистан – это понятно. А Чечня? Какие там нахрен боевые действия?

– После того, как Советский Союз развалился, – терпеливо начал объяснять Вадим, глядя в округляющиеся глаза собеседников, – все республики захотели жить самостоятельно. В том числе и Чечня. Но она то в отличии от всяких Латвий и Туркмений входила в состав России, поэтому чеченов не отпустили. Они подняли мятеж. Туда бросили армию. Там целых две войны было. Такие позорные, что и рассказывать неохота. Будет время, расскажу поподробнее. Подождите, а про Пуксинку я слышал. У меня в Москве друг есть полковник, Ну сейчас, наверное, ещё майор. Вместе в Ульяновске учились. У него брат работал в этой самой Пуксинке в зоне опером. На севере Свердловской области. Я с ним в Москве познакомился. Пиво пили у Валентина, то есть у старшего брата, он много рассказывал про зону. Фамилия Валентина – Рагозин. Валентин Антонович Рагозин. А брат соответственно Вадим Антонович. У вас тут нет такого случайно?

– Есть Рагозин. «Кум» молодой. Недавно старлея получил. Он первое время у нас отрядным был, недолго, месяца три – четыре. Кстати, единственный нормальный отрядный из всех, кого я знал. И тот в оперчасть ушёл.

– Опер он тоже хороший, на нашу жопу, – добавил Карташ, – всё сука знает, ни хрена от него не спрячешь. И отвечает как раз за разделку, за наши бригады. А как у него имя – отчество, я что—то не помню. Вроде Вадим...

– Шплинт, – Шпана перегнулся к нижним нарам, – спроси у шнырей, как у кума Рагозина, имя- отчество.

– Да я и спрашивать не буду. Вадим Антонович он. Сам слышал, как Кислый к нему обращался, – донеслось снизу.

– Слышь, Бурый, – перешёл на шёпот Шпана, придвинувшись в к Вадиму вплотную, – ты полегче насчёт развала Союза и т.д., я тебя только что предупредал.

– Да не Бурый я. Рокотов Валерий Петрович, – Вадим умышленно назвал Валерием, что бы собеседникам легче было общаться. – Слава Богу, хоть имя совпадает. Не знаю, как вам доказать... Скажите, Бурый какие –нибудь стихи знал наизусть, ну или песни Высоцкого, например? Вы же хорошо его знаете.

– Бурый и стихи?! – Оба весело рассмеялись.

– Ну может где-то в блокноте что-то записывал?

– Нет. Куда там! У тебя..., ну, у Бурого в блокноте несколько адресов и всё. А стихи... не помню, что бы хоть одну строчку от него когда-нибудь слышал. – Карташ задумчиво почесал лысую голову. – А ты что, знаешь стихи?

– Короче, слушайте, Высоцкий:

*А где был я вчера, не пойму хоть убей.
Помню только, что стены с обоями.
Помню – Клавка была и подруга при ней.
Целовался на кухне с обоими.
А на утро я встал, мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал, всех хотел застращать
Что я песни орал, что я голым скакал.
И отец говорил у меня генерал...*

Глава 8

Эту песню Высоцкого Вадим знал наизусть, полностью. Рассказывал как стихотворение, с выражением. Тема была для уголовников – алкашей очень даже понятной, можно сказать – родной. Сначала на лицах у Шпаны и Карташа было написано сплошное удивление. Потом они расслабились, заулыбались. На словах « а какой-то танцор бил ногами в живот», Шпана залился смехом, на его глазах выступили слёзы. Карташ тоже постанывал от смеха.

Когда Вадим закончил декламировать, из-за края нар, высунулась улыбающаяся рожа Шплинта:

– Я эту песню слышал, когда последний раз на свободе был. Мы у соседа бухали, там на магнитофоне Высоцкого крутили. Я запомнил только «песни орал, голым скакал и отец говорил у меня генерал». А ты вообще всю знаешь! Ништяк! Может продиктуешь помедленнее, я бы в блокнот переписал?..

– Сгинь! Я же сказал, – не подслушивать! – Шпана наконец отдышался.

– Ну Вова! Мы же не виноваты... У Бурого такой голос, что наверное, в соседних хатах слышно, – из-за края нар высунулись ещё две стриженные головы. – Он так здорово причёсывает. Всем же интересно.

– Ладно, стихи можно слушать. – Шпана намного растерялся. – Но к личному базару не прислушиваться!

– Само собой...

– А ещё чё-нибудь можешь? – повернулся Шпана к Вадиму. – У тебя в натуре ништяк получается. – И шёпотом добавил, – Бурый бы так не смог.

– Пожалуйста. – Вадим на секунду задумался. – Только это не Высоцкий. Слушайте.

*Я был свидетелем на свадьбе с лентой красною
Мой друг Андрюха брачевался в первый раз.
Его подружка всем казалась безопасною
А ту вдруг – на тебе, – втянула парня в ЗАГС.
Андрюха парень хоть куда здоровья дюжего
Засадит литр и плевком сбивает мух.
А тут, видать из-за того, что станет мужем он
Всосал пол литра, потерялся и потух...*

После ухода на пенсию, Вадим около десяти лет проработал в компании «Ригли», развозил по Екатеринбург жевательную резинку. Поменял за это время десяток машин. Но во всех авто радио было настроено на любимую радиостанцию «Шансон». На Сергея Трофимова, как на исполнителя, Вадим впервые обратил внимание благодаря этой песне про свадьбу. Впервые слушая её на перекрёстке, Вадим даже прозевал момент переключения светофора на зелёный, о чём ему через долю секунды напомнили разноголосыми сигналами возмущённые водители сзади. Купив в ближайшем киоске компакт-кассету с понравившейся песней, Вадим уже к вечеру знал её наизусть, попутно отметив для себя, что у Трофима много хороших песен.

Рассказывая нараспев весёлую историю об Андрюхиной свадьбе, Вадим краем глаза отмечал повышенное внимание слушателей, появляющиеся у края нар улыбающиеся головы новых зрителей и в то же время обдумывал, как бы перевести разговор на необходимость личной встречи с самим собой. То есть с опером Рагозиным. Если просто заявить, что ему надо поговорить с «кумом», это, мягко говоря, вызовет подозрения, а точнее, – народ его просто не поймёт. Начнутся всякие домыслы, сопоставления. Кто-нибудь обязательно выдвинет версию, что Бурый работает на оперчасть, а сейчас чего-то испугался, прикидывается потерявшим

память, что бы свалить с этой зоны. Причём выдвинут эту версию скорее всего кто-нибудь из агентов, которые сами и «стучат», чтобы прикрыть свою задницу.

Закончив, Вадим рассеянно выслушивал восторженные оценки и комментарии слушателей и настойчивые просьбы «выдать» ещё что-нибудь

– Подождите. Времени у нас до хрена, расскажу всё, что знаю, только тут у меня одна мысль возникла, – Вадим понизил голос и доверительно зашептал Шпане, – Понимаешь, Вова, у моего друга Рагозина кроме брата, который здесь работает, была ещё и младшая сестра, которая погибла в тридцать два года. То есть получается, что она ещё жива. И мы можем её спасти. Предупредить, чтобы в определённое время она избегала конкретных поступков. Её смерть была такой дикой случайностью, что мне кажется, её легко можно предотвратить.

– Ты чё!. Кто тебе поверит? – Шпана недоверчиво покачал головой. – Сам прикинь, – приходит к оперу какой-то зек, который из зоны не вылезает и начинает предсказывать будущее. В лучшем случае тебя в дурку отправят..

– Рагозин младший как раз и поверит. Я же знаю много подробностей из жизни его родни. Могу описать, где находится в Москве и как выглядит изнутри квартира его брата. Или дом в деревне, где живёт его мать. Я гостил там как-то с неделю. Имена, отчества его близких, соседей. Можно про Брежнева сказать. Он то точно сегодня умрёт. Завтра это подтвердится, тогда точно поверит. Я даже знаю, что ему нужно передать, чтобы он бросил все дела и сразу прибежал сюда. Например, передать ему привет от его отчима и школьного друга, я знаю их имена и фамилии. Здесь в Пуксинке их никто не знает, кроме его самого. И ещё, мужики, вы сами то уже верите, что я не Бурый?

– Ну, в общем то.., – Шпана растерянно пожал плечами, – по-другому как-то это всё и не объяснишь. А если Брежнев действительно именно сегодня копыта откинёт, то тогда, в натуре, получается, что ты или какой-то пророк, или из будущего.

– Самое интересное, что я не знаю, как долго я пробуду в этой шкуре. Вадим постучал себя в грудь. – Может это навсегда, а может там наверху, – он показал пальцем в потолок, Шпана и Карташ машинально задрали лица вверх, – спохватятся, что косяк упороли и сразу вернут всё назад. Поэтому надо успевать, пока есть возможность.

– Сдалась тебе эта кумовская сестра, – Карташ равнодушно зевнул, – ну помрёт и помрёт, делов то...

Вадим только открыл рот, чтобы возразить, как его опередил Шпана:

– Ты чё буровишь, – зашипел он возмущённо на Карташа, – у меня тоже сестра погибла в молодости, я тогда на малолетке чалился, муж её по пьянке ножом ударил, козёл! Никак его встретить не получается. Я освобождаюсь, – он сидит. Он на воле, – я у хозяина. И на зоне встретиться не получается, он сейчас где-то под Ивделем чалится. Попадётся, козёл, – сразу ноги из жопы выдерну. Была бы возможность отыграть всё назад, я бы его ещё в молодости замочил бы, когда он только начал к Галке подкатывать.

– Тут та же история, – тоже муж и тоже по пьянке. – Вадим даже обрадовался неожиданной поддержке. – Да и причём тут «кумовская она сестра или нет! Во-первых она сестра моего друга. А во-вторых, если есть возможность спасти чью-то жизнь, то почему бы и не сделать это? Или хотя бы попытаться?

– Да не, – Шпана прикурил новую сигарету, – это он брякнул не подумавши. Помнишь прошлой зимой... Да.., ты же не помнишь... Прошлой зимой, когда Кандыба под лёд провалился, Карташ сам чуть не утонул, его вытаскивая.

– И ещё, мужики, если мне поверят, я думаю, можно было бы многого избежать, что было плохого в стране за это время. Например: в 1986 году взорвётся атомная электростанция в Чернобыле, это под Киевом. Радиация накроет большую территорию Белоруссии, Украины и России. Сколько народа погибнет, сколько будут вынуждены бросить свои дома со всем

барахлом и уезжать подальше. А государству какие убытки... Вот если бы хотя бы это удалось предотвратить, – и то вперёд.

– Ни хрена себе, – посерьёзневший Шпана переглянулся с Карташом, – если это и вправду так будет, то тебе самому надо в КГБ пробиваться, лишь бы поверили.

– Вот я и говорю. Там ещё много чего интересного намечено в истории на ближайшие тридцать лет, что можно было бы исправить. Я вам потом расскажу, это поинтересней будет, чем стихи Высоцкого. А начинать надо немедленно, с вашего «кума». Дайте листок бумаги, я напишу, от кого ему привет передать, что бы сразу вызвал.

На протянутом тетрадном листке Вадим написал: «Срочно передать оперу Рагозину, что осуждённый Бурдаков хочет с ним переговорить о Юденкове Владимире Семёновиче и Мусуфарове Зуфаре Зиннуровиче».

– У тебя даже почерк другой, – взглянув на листок, сказал Шпана, – не Бурого почерк. – Он показал листок Карташу и тот согласно закивал головой.

Шпана сложил листок вчетверо, спрыгнул с нар, подошёл к двери и крикнул в глазок:

– Кислый, подойди к первой!

– Чё хотел? – Кислый как будто ждал под дверью.

– Срочно передай «куму» Рагозину, – он сунул в глазок записку, – там написано. По телефону или лично его найди, только надо очень срочно. Понял?

– Харэ. Щас сделаем.

Шпана ловко забрался обратно на нары:

– Ну чё, Валера, пока тебя на выход не дёрнули, расскажи ещё чё-нибудь интересное. Чем вы там в будущем занимаетесь? Какие песни поёте? На Луну, наверное, летаете запросто?

– Нет, на Луну так больше никто и не летал пока. Видимо смысла нет. А в космосе постоянная станция висит, там наши и американцы вместе работают вахтовым методом. Ездят туда как на работу. К этому как-то все привыкли. «Героев» уже давно за это не дают. Песни в основном одна хрень. Алла Пугачёва всю эстраду оккупировала. Лучшими певцами считаются её родственники, любовники и кто сумел к ней в друзья пролезть. Правда уже два – три года она сама не поёт, сразу стали другие появляться, не хуже. Многие пришли из шансона...

– Откуда? Из шам...?

– Шансон. Ну это французское слово, авторская песня значит. Как Высоцкий, например, сам сочиняет, сам поёт.

– Под гитару?

– Не обязательно. И под оркестр могут и с ансамблем, и..., в общем по разному.

– И все песни такие, как у Высоцкого?

– Ну почему... всякие. И про любовь и про жизнь, да вообще на любую тему. Ну вот, например, Елена Ваенга:

*А я узнала интересный момент
Что и Ван Гог, и Матисс, и Дали
Курили таба-табак, употребляли абсент, И кое что, кстати,
тоже могли...*

напел Вадим первое, что пришло в голову, в точности повторив ритм и интонации Ваенги.

– Кто курили?

– Это художники такие, известные, Ван Гог, Матисс, Дали, испанские, кажется, или французские.

– А что они употребляли? – Глаза Карташа светились от любопытства.

– Абсент. Вино такое, вроде портвейна. Смысл в том, что они хоть люди и знаменитые, прославленные, а ни что человеческое им не чуждо.

– Такие же бродяги, как и мы, – заключил Шпана, и Карташ утвердительно закивал головой. Сравнение им явно понравилось.

Тут, лязгнув замками, распахнулась дверь камеры.

– Осуждённый Бурдаков, – на выход! – скомандовал узкоглазый солдат с буквами ВВ на погонах и красной повязкой на рукаве.

– Смотри, как быстро Кислый сработал, – удивлённо протянул Карташ.

– Тут скорее не Кислый, а Валера в цвет попал с фамилиями, – уточнил Шпана, – ну давай, спасай ему сестру.

Вадим спрыгнул с нар, с помощью Карташа нашёл свою куртку, бушлат и вышел из камеры.

– До конца и направо, – подсказал направление Кислый, стоявший в коридоре и озадаченно поглядывавший на Вадима.

«Да, вот тебе, что называется информация к размышлению», усмехнулся про себя Вадим, – с чего это такая рыбина, как Бурый, сам добровольно запросился на приём в оперчасть, да ещё ссылается на какие-то незнакомые фамилии». Кислый уже мог, не вспомнив сам, кто такие Юденков и Мусафаров, уточнить у нарядчика, что таких в зоне нет и в последнее время не было. А непонятное всегда пугает.

Глава 9

Во всех кабинетах оперчасти, как внутри зоны, так и за зоной двери были двойные. Сначала входящий открывал наружную дверь, при этом внутри кабинета над дверью загоралась сигнальная лампочка. Затем, сделав шаг в небольшом тамбуре, входящий толкал от себя внутреннюю дверь. Это делалось умышленно, чтобы можно было убрать со стола сообщение, которое в этот момент писал или подписывал агент, в общем, чтобы не застали врасплох.

Вадим тщательно закрыл первую дверь и постучал во вторую.

– Разрешите?

– Да, да...

Вадим решительно шагнул в кабинет, с волнением разглядывая самого себя в молодости. Одет в бушлат с португеей и погонами старшего лейтенанта, форменную шапку с кокардой, на ногах хромовые сапоги, несмотря на приличный мороз на улице. Вадим знал, что сапоги перешиты зоновским сапожником, внутри вставлен мех, подошва из толстой микропорки. В таких в любой мороз не замёрзнёшь и не поскользнёшься. Лицо худощавое, небольшие светлые усики. Голубые глаза смотрели на Вадима с любопытством и плохо скрываемом волнением.

– Присаживайся, – офицер указал на ободранный стул у такого же ободранного приставного стола, – рассказывай, откуда ты знаешь эти фамилии, – он помахал зажатым в пальцах листком.

– Ты тоже присаживайся, Вадим Антонович, разговор надолго.

– Ладно. – молодой Вадим отодвинул стул от стола к батарее отопления, сел к ней боком и закинул ногу на ногу, не спуская глаз с собеседника.

– Я знаю, что ты много перечитал всякого рода научной и ненаучной фантастики, – начал Вадим.

– Откуда ты можешь знать, что я читаю, – вскинулся опер.

– Сейчас объясню, выслушай, пожалуйста, до конца. Кстати, у тебя даже блокнот есть, куда ты записываешь все прочитанные книги с 1980 года, с оленем на обложке.

Представь себе такую ситуацию: ты благополучно ушёл на пенсию в звании майора, дожил до пятидесяти пяти лет, нажил к тому времени кучу болезней. И вот в 2011 году тебе делают операцию в больнице под общим наркозом. Тебя усыпляют в операционной, а просыпаясь ты в 1982 году в теле какого-то зека Бурдакова по кличке Валера Бурый. Теперь понял, откуда я знаю фамилии твоего отчима Семёныча и лучшего школьного друга Зуфарика? Я вообще всё про тебя знаю. Причём, не только то, что было с тобой до сегодняшнего дня, но и то, что будет до 2011 года.

Вадим говорил спокойно, медленно, чтобы собеседник смог уяснить каждое слово, осмыслить услышанное. Он понимал, что поверить в этот бред сразу никто бы не смог. В молодых голубых глазах читалось скорее озадаченное недоверие, чем удивление. Надо было добивать, пока опера куда-нибудь не выдернули по срочным делам.

– Я не знаю, сколько времени у меня есть. Может быть я в этой шкуре навсегда, а может через минуту там наверху спохватятся и вернут всё на свои места. Я хочу, чтобы ты мне поверил. Задавай вопросы о мелких подробностях из своей жизни, только учти, что что-то с годами забывается. Давай возьмём любой отрезок из твоей жизни. Служба в армии, например. Военская часть 32980, Кольцово, взвод АТВ, твоя боевая машина КПМ-64 на базе ЗИЛ-164. Помнишь, как ты хотел сначала солидола подмазать, а колёса снять не смог. Потому что какой-то предшественник видимо перед дембелем футурки приварил сваркой. Друзей армейских тебе назвать? Витя Надеин – курский соловей, Ваня Почерёвин из Липецка. Витя Власов и Вова Соколов – земляки, с которыми ты вместе на губе прохладился, когда в военном билете у тебя

уже стоял штамп «уволен в запас». Командир взвода – прапорщик Штепа – бывший десантник. Замполит – капитан Барский, который у тебя из блокнота вырывал листки с песнями Высоцкого и стихами Есенина, приняв их по своей тупости за блатную лирику. И написал: «Ревизию делал капитан Барский». Ты давай, задавай вопросы, а то можно подумать, что меня какая-нибудь разведка заставила всё это вызубрить, чтобы к тебе в доверие втереться.

Говоря это, Вадим уже видел, что ему поверили. Опер сидел, совершенно ошалевший. Недоверие в его глазах сменилось на удивление, потом – на изумление. Какое-то время он даже сказать ничего не мог. Просто смотрел на Вадима и хлопал глазами.

– Давай что-нибудь расскажу про жизнь в Самбеке, – решил помочь ему Вадим, имея ввиду шахтёрский посёлок в Ростовской области, где их семья прожила четыре года, пока отцу не запретили работать под землёй по состоянию здоровья.

– Подожди, – наконец пришёл в себя молодой. – Как называлась фирменная причёска на гауптвахте?

– «Луммербокс». По фамилии начальника губы капитана Луммера. Каждому вновь прибывшему выстригали машинкой на голове полосу от затылка до лба, а дальше, – как хочешь, можешь выравнивать, а хочешь – так ходи. Многие и ходили.

– Точно! А сколько суток добавляли за спрятанную спичку?

– За спичку – сутки, за сигарету – пять. Помнишь, как во время обыска по возвращении с работы, у тебя за поясом брюк сзади были засунуты две пачки каких-то дешёвых папирос? Тебе оставалось двое – трое суток отбыть от пятнадцати, и ты переживал, что запалишься? Вот, если бы нашли!?

– Да уж! На полгода можно было там застрять! Слушай, а такие детали, действительно, только я сам могу знать. Что же это получается, ты действительно, ... – это я?

– Теоретически, об этом мог знать Витя Власов, он тогда рядом с тобой был. Но про твою жизнь в Ростовской области он ничего знать не мог. Про твоих друзей по Самбеку Серёгу Соловьёва и Славика Терентьева по кличке «Усач» из-за усатого отца, о братьях Вяткиных – Шурике и Генке, они же «Ушанята». Одноклассников по школе номер тридцать четыре: Приблудный – отличник, Муравицкий – двоечник, Травкин – художник, Толик Стаценко, – с которым ты дружил, так как оба жили далеко от школы, иногда вместе шли домой, да и сидели за одной партой. У него дома телевизор был с дистанционным управлением. Отец Толика с важным видом сидел на стуле, у него в руках был целый коммутатор с кнопками и тумблерами, соединённый с телевизором проводами. Он этими кнопками регулировал громкость, яркость. Тогда это казалось чуть ли не чудом.

– Да, действительно, такие подробности ни какая разведка не выкопает. Это всё только у меня в голове сохранилось...

– У меня тоже. Дальше продолжать? Или ты уже поверил? Могу про твою жизнь после армии рассказать. Сначала в Сафоново, потом в Витебске. Про работу шофёром в Сафоновском Райпо или в Витебском автобусном парке. Как ты за полгода дважды чуть не женился. Заявление в ЗАГС подавал сначала в Витебске с Веркой, потом в Сафоново со Светкой. Хочешь о твоих любовницах расскажу? В Архангельске или в Вильнюсе? Хотя, в Архангельске только одна Танька была. Зато в Вильнюсе...! Пока не женился... Марите, Геновайте, Галка..., ещё какие-то одноразовые, всех уже и не помню...

– Достаточно! Всё! Я верю. Давай лучше о будущем. Что интересного меня ожидает?

– А в будущем у тебя очень много интересного... Так и подмывает сказать: «Позолоти руку, касатик, всю правду расскажу». – Вадим усмехнулся. – Причём, запомнились почему-то в основном неприятные моменты. Несколько раз из-за своей дурости ты будешь на грани гибели. Один раз, – в сорок лет – вообще, чудом уцелеешь. Я сейчас, вспоминая, насчитываю добрый десяток случайных совпадений, благодаря которым остался жив тогда. Если убрать

любое из этих совпадений, я бы не выжил. Тебе лучше взять ручку и бумагу и записать конкретно, что и когда нужно делать или не делать.

Молодой достал из внутреннего кармана блокнот и ручку. Вадим сразу узнал этот блокнот зоновского производства с чёрно-белой фотографией какой-то артистки на обложке. Он вместе с другими пожелтевшими от времени блокнотами и тетрадями сохранился в семейных вещах, переезжавших с квартиры на квартиру после ухода на пенсию. В последнее время Вадим в него записывал расходы на машину, – ремонт, запчасти и т. д. Если сейчас в этом блокноте под его диктовку появятся какие-то записи, значит, история уже начнёт меняться. От осознания историчности момента Вадим даже напрягся, уставившись на руки молодого с зажатой в пальцах обычной шариковой ручкой. Заметив это, тот вопросительно взглянул на Вадима.

– Блокнот знакомый, – он показал рукой, – там изначально было расчерчено для учёта результатов работы разделочных бригад, когда ты был ещё начальником отряда, но для этого он не пригодился. Он у меня сохранился до 2011 года.

Молодой кивнул и продемонстрировал расчерченные страницы. На первой вверху было написано «Бригада №44». Он перелистал страницы до чистой и приготовился писать.

– Тут такое дело, – Вадим на секунду замялся. – есть вопросы, которые касаются тебя лично, а есть, из области ближайшей истории государства.

Молодой согласно кивнул.

– Кстати, как раз сегодня произойдёт событие, с которого и начнёт меняться история государства. Сегодня 10 ноября 1982 года в День Советской Милиции умрёт Брежнев Леонид Ильич.

Теперь напрягся молодой.

– Ты уверен? Ничего не пугаешь?

– Уверен. Как раз это я хорошо помню. Записывай. Только народу об этом объявят завтра в полдень по Москве, хотя, точно не помню. Кстати, у тебя будет возможность убедиться в моей правоте в ближайшее время.

– А почему сразу не скажут?

– Ну, там в Политбюро начнётся грызня за портфели. Такое впечатление, что просто растерялись. Хотя и готовились к его смерти. Собственно, грызня там уже давно началась. Я точно не помню... кого-то вывели из состава Политбюро, кого-то, наоборот, – ввели. Кто-то неожиданно умер, очень удачно для кого-то. В общем, в этом потом историки будут разбираться. Сейчас для тебя важно не это. Ты записывай, записывай...

Молодой записал: «10 ноября 1982 года умрёт Брежнев». Ничего не произошло. Потолок не обрушился, ничья голова не лопнула, в общем, мир не перевернулся, хотя история начала изменяться.

– Интересно, – вслух подумал Вадим, – а там, в моём времени в этом блокноте сейчас появилась эта запись?

Молодой задумался:

– Вряд ли. Того будущего уже нет... или ещё нет. Оно наступит через тридцать лет, но уже немножко не такое или даже очень не такое.

– А как же быть с теми тридцатью годами, которые я помню? Я же не один их прожил, а вместе со всей страной, со всем населением планеты. Я же с кем-то общался, от моих слов и поступков менялись и действия других людей. Это же – как снежный ком. На одно наслаивается другое и так в разных направлениях. И пусть я не был царём или президентом, но всё же... Ну да ладно. Всё равно нам этого понять не дано. Пусть об этом думают те, кому по должности положено. Пусть у них головы болят, если они у них есть.

Теперь давай по делу. Сначала ближайшие события в стране. Записывай. Генсеком после Брежнева станет Андропов Юрий Владимирович. У власти пробудет немного. Точно не помню, – год – полтора. Это время запомнилось укреплением трудовой дисциплины. Вплоть

до того, что, что в кинотеатрах посреди фильма будут останавливать трансляцию и проверять, что здесь делают люди в рабочее время. Ещё появится водка по более низкой цене четыре рубля семьдесят копеек, – которую прозовут «Андроповка».

Потом Андропов умрёт. Официально – из-за болезни почек. В народе будут ходить слухи, что в него стреляла дочь Брежнева – Галина. Но это сплетни, которые до 2011 года никто не подтвердил и не опроверг. Её мужа – замминистра Чурбанова – снимут со всех должностей, лишат всех званий и наград и посадят на десять лет. Отбывать будет на «шестёрке» в Нижнем Тагиле на какой-то «сучьей» должности: каптёром, завхозом, библиотекарем, – точно не помню. Щёлоков Николай Анисимович – наш дорогой министр – застрелится у себя дома.

Андропова сменит Черненко Константин Устинович. Этот пробудет у руля ещё меньше – несколько месяцев, – умрёт от старости.

И вот потом начнётся самое интересное. Генсеком станет Горбачёв Михаил Сергеевич. Знаешь, как зовут жену Горбачёва?

– Откуда? – молодой, оторвавшись от блокнота, удивлённо пожал плечами. – А ты, что, знаешь?

– Весь мир будет знать! Раиса Максимовна! Горбачёв затеет реформы, в результате чего страна развалится на отдельные республики. Все станут самостоятельными странами со своими президентами, валютой и т. д. Москва переживёт две попытки государственного переворота – в августе 1991 года и в октябре 1993-го. В мае 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции под Киевом взорвётся четвёртый энергоблок. В результате атомного взрыва будут заражены радиацией большие территории Белоруссии, Украины и Брянской области России.

– Ни хрена себе!!!

– Вот именно! У тебя есть возможность отличиться. Предотвратить атомный взрыв и тем самым, во-первых: спасти тысячам людей жизнь и здоровье; во-вторых: уберечь государство от миллиардных расходов; и в-третьих: спасти экологию планеты.

– Да кто мне поверит! Ты представляешь, что я сейчас начну кому-то рассказывать всё это?! Меня скорее всего примут за психа, или посадят за антисоветскую пропаганду!

– Во-о-о-т! Я тоже так думаю.

Оба замолчали и с задумчивым видом начали синхронно почёсывать правой рукой правую щеку. На этот подсознательный жест, – рассеянно почёсывать правую щеку при раздумывании или волнении, – Вадиму неоднократно со смехом указывали его друзья, но он ничего не мог с собой поделать. И в этот раз, поймав себя на этом жесте, Вадим пальцем левой руки указал на руку молодого, потом – на свою. Они понимающе переглянулись и, одновременно опустив руки, рассмеялись.

– Я думаю, ты должен отправить спецсообщение в КГБ. Как обычно через оперотдел под грифом «сов. секретно». Зарегистрировать его в журналах учёта в колонии и отделении, а увезти лучше нарочным, а ещё лучше – сгонять в Сосьву самому лично. Текст мы с тобой подготовим вместе, продумаем каждую деталь. Чтобы было коротко и доходчиво, а отправить надо до того, как объявят о смерти Брежнева. То есть, если не сегодня, то завтра. Это главный козырь. Нужно добиться личной встречи куратора КГБ со мной. В сообщении нужно будет, например, подчеркнуть мысль о том, что ООР Бурдаков физически не мог знать имя-отчество жены Горбачёва или Ельцина. Кстати, знаешь, кто это?

– Ельцин? Что-то слышал. Кажется, или первый секретарь Свердловской области или председатель облисполкома...

– Первый секретарь обкома. И будущий первый президент России. Но об этом пока лучше промолчать, а то мало ли какие там интриги в верхах. Вплоть до того, что могут и ликвидировать...

Глава 10

– Теперь давай о личных делах, – Вадим жестом показал молодому, чтобы перевернул блокнот. – Государственные проблемы – это, конечно, важно, но для тебя и, надеюсь и для меня, намного важнее прожить ближайшие тридцать лет без моих ошибок.

– А что, много было ошибок?

– Очень много. Наша задача, чтобы ты смог избежать хотя бы самых крупных, с особо неприятными последствиями. Может моя миссия именно в этом и заключается, если конечно она там, наверху, запланирована. А если это случайный сбой программы, то мы должны этим воспользоваться, раз уж получили такой невероятный шанс.

В этот момент вспыхнула лампочка над входной дверью, и одновременно кто-то постучал. Опер машинально убрал под стол руку с блокнотом.

– Гражданин начальник, чай будете? – просунулась в дверь голова Кислого.

– Да. Два стакана, пожалуйста.

Через несколько секунд в кабинете появился Кислый с двумя стаканами чая в руках и следом за ним – второй шнырь с банкой наполовину наполненной сахаром. Кислый окинул всех озадаченным взглядом, поставил на стол стаканы и испарился вместе с дневальным.

– Ну и какие главные ошибки меня ожидают? – спросил молодой, размешивая сахар в стакане.

– Это были мои ошибки. У тебя их быть не должно, если ты меня слушаешься, – Вадим отхлебнул из стакана. Чай на удивление оказался настоящим, круто заваренным «по-купечески». В памяти Вадима всплыл давно позабытый вкус чая, который он пил во время работы в ИТК. О его привычке пить «купца» знали шныри во всех бараках, периодически получавшие от него же пачки чая из трофеев. А в последние годы жизни на пенсии Вадим привык довольствоваться одноразовыми пакетиками. А это, конечно, совсем не то...

– Во-первых. Слушай меня внимательно и записывай, – Вадим показал взглядом на блокнот, опять появившийся на столе. – Моя сестра Лилька погибла в тридцать два года из-за дурацкой случайности. – Молодой при этом поперхнулся чаем. – Твоя сестра Лилька должна этого избежать. Это конечно не моя ошибка, а просто дурацкое стечение обстоятельств, но те не менее. Сейчас ей сколько лет? – Вадим задумался, подсчитывая, – с пятьдесят девятого,.. получается двадцать три. У тебя есть девять лет, чтобы это предотвратить.

– Как это произошло? – молодой, наконец, взял себя в руки.

– Её муж Коля загуляет с какой-то бабой, она об этом узнает, психанёт, детей в охапку и – к маме в Беларусь. С Колей разведётся, сойдётся там сначала с каким-то тунеядцем Юрой, которого запугает до полусмерти своими братьями – ментами, тем более, что Костя будет там работать в уголовном розыске. Потом найдёт себе крутого мужика – сосновского тракториста – татарина Рустама.

Жизнь у них будет развесёлой – сплошные пьянки. Да, когда они будут расписываться, на их свадьбе умрёт Семёныч. Пойдёт домой в Подцерковщину в разгар свадьбы накормить скотину – поросёнка, кур, а утром найдут мёртвым на стадионе в луже в стороне от тропинки. Спишут на инфаркт, хотя там всё не так ясно.

Вадим задумался.

– Я вот говорю «будет, найдут» и так далее, а ведь этого уже не будет, я думаю, ты не должен допустить этой свадьбы. И Семёныч умрёт конечно, когда-нибудь, но по другому. Господи! Это ж они все живы ещё! И Семёныч, и Лилька, и мамка! Как хотелось бы их увидеть, поговорить!.. Я ведь в последнее время только на кладбище с ними общался – три могилки в одной оградке... – у Вадима на глазах заблестели слёзы.

– Я думаю, – мы это как-нибудь организуем, – молодой тоже разволновался, – со временем. Дальше-то как всё произошло?

– А потом, через год-два, точно уже и не помню, во время очередной пьянки у себя в квартире Рустам задрался с соседом – собутыльником, схватил со стола нож и попытался его ударить. А Лилька хотела их разнять и вклинилась. Вот ей и достался удар в живот. Нож перебил артерию, и она умерла в больнице от потери крови. Рустам получил четыре года за убийство по неосторожности. Условия в зоне мы с Костей создали ему, конечно, максимально жёсткие с первого дня. Я вообще удивляюсь, как он оттуда живым вышел. Но Лильке от этого лучше уже не стало. У неё двое детей: Антон и Наташа. Их потом Коля забрал себе, вырастил, дал образование, у Наташки сын – Лилькин внук, живут в Сафонове. У Антона детей пока нет. Он – в Смоленске.

В общем, я не знаю как, но ты просто обязан изменить эту трагическую судьбу...

Поговори с Лилькой, не откладывай надолго. Сгоняй в отпуск, заскочи в Сафонов, расскажи ей обо мне, постарайся убедить её не разводиться с Колей. Лучше ей всё равно никто не попадётся. Проверено. А он перебесится и успокоится, от детей не уйдёт. Если всё-таки разбегутся, пусть никуда не переезжает. Там она уважаемый человек, – воспитатель в детском садике, много «нужных» знакомых по всему городу. Я по себе знаю, что это такое, – переезжать с места на место, каждый раз обрывая наработанные «нужные» связи. Если она там снова выйдет замуж, то скорее всего за более достойного, чем эти деревенские опойки.

Если всё-таки она с детьми уедет к матери, то надо исключить её свадьбу с Рустамом Османовым. Запиши фамилию. Костю подключи. Он после Киевской школы ухитрится перевестись в Витебский РОВД в уголовный розыск. Будет работать там, где всё детство провёл. Он там быстро авторитет наберёт. Поговорите с Рустамом, что б Лильку за километр обходил. Так. С этим всё ясно, теперь о тебе...

Вспыхнувшая лампочка опять заставила блокнот исчезнуть со стола. На этот раз после стука в дверь просунулась голова контролёра:

– Товарищ старший лейтенант, Вас к телефону.

– Я сейчас, посиди, – молодой вышел в коридор. Вернувшись через пару минут, он раздражённо проворчал:

– Отдельная точка перепилась. Весь оперсостав Боголепов туда отправляет, короче, – бежать надо.

– Подожди секунду. У Боголепова сын уже погиб или ещё нет?

– Какой сын? Нет, ... ничего не слышал...

– Ну, слава Богу! Может ещё одного спасти получится... Короче, у него сын Славик ученик третьего класса..., кстати, спроси, в каком он сейчас классе, а то я год не помню. Если в третьем, то этой зимой его съѐт лесовоз в центре посёлка, он будет из школы идти. Отец его в это время будет партсобрание в клубе вести. Водителя лесовоза Галактионова за это посадят. Может, стоит и мне с ним поговорить? Организуй встречу, всё равно начальника нам, видимо, не обойти.

– Хорошо. Слушай, я даже не знаю, сколько у него детей. Про Славика в первый раз слышу.

– Давай, беги. Да, поговори с доктором, может меня в санчасть перевести? Причина уважительная – потеря памяти. А то тут даже в туалет сходить, – и то проблема. Сам понимаешь, как-то непривычно. Представь себя на моём месте.

– Решим, я думаю. Ну, давай пока – в камеру. Как там?

– Нормально. Потом расскажу.

Глава 11

В камере царило веселье. Глядя на входящего Вадима, Шпана, стоявший возле стола, стал напевать, отбивая такт ложками:

– А я надыбал интересный момент,
Что и Каргаш, и Шпана, и Малыш
Курили таба-табак, употребляли портвейн,
И кое что, кстати, тоже могли!

На последних словах Шпана несколько раз изобразил руками с зажатыми в них ложками характерные движения лыжника, чем вызвал очередной взрыв веселья в камере.

– Ну как, похоже? – спросил он у Вадима, явно напрашиваясь на похвалу.

– Нормально. Даже лучше, чем у автора. Конкретней.

– Во! А я что говорю! Послушай, Валера, мы тут посоветовались,...короче,... – он замялся, – в общем, тут скрыть что-то тяжело, сам понимаешь, – хата есть хата. Не будем же мы мужикам уши затыкать, в натуре. Когда ты вышел, на нас тут надели с вопросами. В общем, я объяснил, что тебе сегодня всякая хрень приснилась, ну что ты как будто в будущем живёшь. Да ещё в шкуре другого человека. И так достоверно приснилось, что ты даже про себя забыл, кто ты есть. Какие-то песни и стихи из будущего помнишь, а из жизни Валеры Бурого – ничего. Я попросил, чтобы на стороне меньше трепались, пока ты всё не вспомнишь. А то тут на зоне Бурого многие побаиваются, а как почувствуют слабинку, захотят отыграться, мало ли что, сам понимаешь.

– Слабинку!? Насколько я понял, Бурый в молодости боксом занимался?

– Он, пока не сел «по малолетке», на секцию бокса ходил несколько месяцев, – подсказал Каргаш.

– Ну вот. Добавьте к этому ещё отличное владение приёмами боевого самбо, я там, ... в той жизни, спецназ тренировал, – и я могу такую «слабинку» продемонстрировать, – тут мало никому не покажется.

В камере стало тихо.

– Ну вот, ещё и самбо на нашу голову, – разрядил ситуацию Шпана, – чё, и в самом деле знаешь? Может покажешь какой приём?

– Могу, – Вадим выпрямился во весь рост, пошевелил могучими плечами, разминаясь, – но не буду! – Он сел на скамью у стола. – Уж больно я какой-то здоровый, там то я был немного полегче. А тут сила из меня так и прёт, боюсь, что могу кому-нибудь что-нибудь сломать нечаянно. Ну там, – руку, ногу, шею. Лучше без необходимости не пробовать.

– А спецназ – это что за хрень?

– Отряд специального назначения. Как бы вам объяснить популярнее... – Это подразделение, предназначенное для выполнения особых заданий. Там все бойцы должны владеть приёмами рукопашного боя, стрелять лучше других из разных видов оружия, ножи метать, ну и ещё много чего делать. Меня на год прикомандировали в распоряжение Уральского военного округа, – Вадим сочинял на ходу, стараясь быть максимально правдоподобным, – жил в Екатеринбурге, снимал квартиру, занимался спортивной подготовкой.

– Екатеринбург – это Свердловск? – Шпана удивлённо взглянул на Вадима, – я когда на свободе был в последний раз, видел как на куртках у стройотрядовцев было написано для понта «Екатеринбург» иностранными буквами. А ты то чё понтуешься?

– Переименоуют официально. Не помню, в каком году. Но в двухтысячном, когда я там жил, уже будет Екатеринбург, а область так и останется Свердловская. Ленинград опять станет Санкт – Петербургом, а область останется Ленинградской.

– В двухтысячном! Ну ты даёшь! – высунулась с нижних нар чья-то усмехающаяся рожа. Но его тут же затолкали обратно двое соседей: – Потухни, Ржавый, не мешай, здорово Валера травит.

– А ещё что переименуют? – Шпана бросил злой взгляд в сторону возмутителя спокойствия и повернулся к Вадиму.

– Куйбышев опять станет Самарой, Калинин – Тверь. А больше что-то и не помню.

– Я чё-то не спросил, как там с кумом? Всё нормально? Поверил?

– Да. Ещё бы! Он вообще в шоке. Куда-то срочно вызвали, а так бы мы ещё долго беседовали.

– Да-а... Тут в натуре задумаешься... – Шпана почесал кудрявую макушку.

– Я как-то читал одну фантастику, – воспользовавшись паузой, вклинился в разговор пожилой зек, сидевший на нижних нарах с краю у стены, – там изобрели какой-то прибор, с помощью которого душа одного человека перепрыгивала в тело другого, который рядом находится. Может тут тоже что-то похожее?

– Меньше надо читать всякой х... ни, Дапа, – одёрнул его Карташ, – а то у самого крыша поедет. Хотя мне кажется, в природе что-то такое есть, чего мы не знаем. Как Бурому могло во сне присниться, что у нашего кума в Москве есть старший брат и сестра, когда мы здесь об этом ничего не слышали? Да что мы, – из начальства тоже вряд ли кто знает, как у него брата и сестру зовут.

– Я ему в деталях рассказал, как от станции метро «Кузьминки» дойти до квартиры брата, как эта квартира выглядит изнутри, всё: планировка, – окна, двери, кухня, туалет, как у брата дочку и жену зовут, как они выглядят. Как он не поверит, – добавил Вадим.

– Я представляю, как он обалдел! – Довольно заржал Шпана. – Выходит из хаты какой-то рецидивист, который в жизни нигде не был кроме Свердловска и Севураллага и рассказывает такие подробности!

Глава 12

– Слышь, бугор, – негромко обратился к Шпане Дапа, одевая на нос очки с замотанной синей изолентой дужкой, отчего сразу стал похож на умную сову из мультика про Винни-Пуха, – я что-то побаиваюсь, если у Бурого в голове непонятно что творится, где гарантия, что у него там не переклинит окончательно? Кинется на кого-нибудь, нам ведь его всей хатой не удержать. Может ему, от греха подальше, в санчасть лечь?

– Не, я не думаю, – Шпана посмотрел на Вадима, – скажи им, Валера, что у тебя даже и в мыслях нет кого-то трогать. Так ведь?

– Если меня никто не будет трогать, то и я никого не трону, – пожал плечами Вадим.

– Ага, тебя обидишь! – хохотнул сидевший на верхних нарах осуждённый с глубоким шрамом на правой стороне лица. – Забыл, как ты летом всю бригаду в реку загнал?

– Я же говорю, – ничего не помню! А что это за история? Расскажите, может чего вспомню.

Народ оживился. Событие прошлого лета, выбивающееся из колеи скучных и однообразных дней зековской жизни, сейчас, через несколько месяцев воспринималось с юмором и бахвальством, хотя в тот момент, когда оно происходило, всем участникам было явно не до смеха.

Шпану, начавшего рассказывать, постоянно перебивали дополнениями другие бригадники, тесным кружком обступившие сидевшего за столом Вадима. Некоторые дополнительные детали и уточнения вызывали дополнительное оживление и смех. Вадим, чувствуя себя главным героем, только смущённо улыбался.

Всё началось с того, что один из бригадников по кличке Резаный, видимо, который со шрамом на лице, решил с размахом по-человечески отметить своё сорокапятилетие. По мнению большинства граждан Советского Союза, погулять с размахом, – это организовать крупную пьянку с музыкой и женщинами. Зеки тоже являются гражданами своей страны, поэтому по-другому это мероприятие себе не представляют. В связи с отсутствием женщин и ограниченностью средств, размах заключался в изготовлении повышенного количества браги, чтобы хватило на всех. Поэтому Резаный передал Шпане заранее заготовленные дрожжи и сахар, достаточные для изготовления полной фляги браги – тридцать шесть литров. Во избежание досрочных покушений на содержимое фляги, она была спрятана в механизации у друга Шпаны – кузнеца по кличке Малыш. Этого добродушного двухметрового здоровяка, отбывавшего десятилетний срок за убийство, Вадим помнил хорошо. Он принципиально не употреблял спиртного из опасения «раскрутиться» на новый срок, так как во хмелю становился, мягко говоря, буйным. Единственная его пьянка на свободе после очередной отсидки закончилась тем, что он ударом кулака в лоб убил заспорившего о чём-то собутыльника. За что он и «мотал червонец» и очень об этом сожалел, тем более, что не помнил даже причину ссоры.

Брага доходила в кузнице на чердаке в тёплом месте возле трубы. Сам кузнец выпить её не мог и никого к ней не подпустит. Поэтому такое решение бригадира было правильным и продуманным.

В назначенный день Шпана договорился с разгрузчиками, чтобы на эстакаду второй бригады было выгружено леса по минимуму. Это сделать было легко, так как в летний период древесины на лесобиржу поступало недостаточно, и разделочные бригады буквально рвали друг у друга лес, чтобы хоть немного заработать.

Утром бригада накинулась на работу с удвоенной энергией, и уже через час эстакада была пуста. Расположившись на солнышке, осуждённые бригады дружно распили за здоровье именинника первую порцию браги из четырёх трёхлитровых банок, закусывая салом с чесноком, специально припасённым для такого случая.

Когда банки опустели, Шпана, разлив по кружкам остатки, и прихватив с собой Карташа, направился с банками к Малышу за второй порцией. Оставшиеся бригадники, дожидаясь их, не спеша закусывали, смакуя угощение, потихоньку хмелея.

Бурый накатило со всеми пару кружек, плотно закусил, после чего блаженно вытянулся на куче хвороста и, закинув руки за голову, задремал в ожидании продолжения банкета.

Сидевшие рядом с ним два бригадника – азербайджанца, о чём-то тихо переговаривались на родном языке. Потом разговор у них начал набирать обороты, явно переходя в ссору. Оба вскочили и начали выкрикивать друг другу какие-то оскорбления и угрозы на непонятном для остальных языке, яростно размахивая руками. Бригадники с интересом наблюдали за развитием ссоры, пока кто-то лениво не процедил:

– Что вы орёте, как бабы на базаре? Что у вас рук нет, что ли?

Оба, как по команде, вцепились друг в друга, пытаются нанести удары головой и коленками. В какой-то момент, потеряв равновесие, они упали на мирно дремавшего Валеру Бурого. Тот вскочил, как подкинутый какой-то невидимой пружиной и, толком не проснувшись, нанёс два точных сокрушительных удара в челюсти, послав обоих драчунов в глубокий нокаут.

Остальные, чтобы его успокоить, со словами: «Валера, ты не так понял, сейчас тебе всё объясним», – попытались его удержать от дальнейшего добивания азеров, кто-то при этом схватил его за рукав куртки.

Но Валера понял только одно: на него накинулись всей бригадой! Выяснить причину было некогда. В затуманенном алкоголем мозгу сработал инстинкт самосохранения. Оглянувшись, он выдернул из кучи хвороста увесистую двухметровую дубину и, размахивая ей над головой как хворостиной, пошёл на толпу. Теперь тот же инстинкт сработал у остальных. Битые жизнью и не раз бывавшие в различных переделках уголовники по сверкающему бешенству в глазах у Бурого мгновенно сообразили, что тот, кто попытается что-то объяснить словами, рискует остаться не только без зубов, но и без мозгов.

Поэтому вся бригада, не сговариваясь, дружно рванула в сторону естественного наклона местности, то есть – к реке, Бурый – за ними. Раз убегают, – значит чувствуют свою вину.

Возвращавшиеся в этот момент с брагой Шпана и Карташ увидели, как из-за бригадного домика выбежали почти все их бригадники и, преследуемые Бурым, за несколько секунд преодолев около пятидесяти метров, с разгону влетели в прохладную ещё воду реки, поднимая брызги и страшно матерясь.

Шпана аккуратно опустил на землю рядом со стоящим с отвисшей челюстью Карташом свои банки и поспешил к бригадникам. Бурый в это время, стоя на берегу, выкрикивал сплошные междометия и мат, поочередно тыкая дубиной как указкой на находившихся по горло в воде мужиков. Когда он засёк боковым зрением приближающегося бригадира, в его глазах замелькали, наконец, признаки просыпающегося сознания. По инерции ещё раз махнув дубиной, он зашвырнул её на середину реки и повернулся к бригадиру.

– Что случилось, Валера? – Спросил Шпана, дружески взяв его рукою за плечо.

– Да я не знаю, Вова, чего они на меня накинулись. Лежал спокойно, никого не трогал, – с трудом переводя дыхание, ответил тот.

Когда дубинка со свистом пролетела над головами у мужиков, они как-то сразу почувствовали облегчение и заговорили все одновременно, осторожно выбираясь на берег. Из их гомона Шпана быстро понял, что произошло.

– В общем непонятка получилась, – подвёл итог Шпана, как бы объявляя инцидент исчерпанным. – А азеров наших ты случайно не убил, Валера?

– Не знаю... – тот растерянно пожал плечами.

Когда все вернулись к месту застолья для продолжения банкета, выяснилось, что один из пострадавших – Гусак (от фамилии Гусейнов) – отделался двумя выбитыми зубами и даже, хоть и с трудом, но смог продолжить участие в пирушке. Со вторым – Керимом было сложнее.

Он при падении хорошо приложился головой о бревно, и стоя на коленях, периодически блевал, ничего не соображая.

Обсудив собственный богатый опыт получения травм, народ безошибочно поставил диагноз – сотрясение мозга.

– В общем, так, – Шпана обращался ко всем бригадникам, – смотрим внимательно и запоминаем. Вот так он шёл, здесь поскользнулся, так упал. Все поняли? Это так, на всякий случай, если будет проверка, чтобы не было разногласий. А тебе, Валера, как провинившемуся поручим подогнать сюда тепловоз и отправить пострадавшего в санчасть в жилую зону. Пить, я думаю, тебе не желательно. И не только сегодня, а вообще. Все слышали? Этому больше не наливать!

– Да я и сам не хочу! – пробормотал виновато Бурый. – Так ведь действительно можно убить кого-нибудь ни за что.

После отправки пострадавшего банкет продолжился, но Бурый только закусьвал.

Сейчас, рассказывая эту историю в камере, Шпана со смехом вспоминал некоторые детали:

– Представляешь, Валера, там, возле реки, когда я взял тебя за плечо, такое было ощущение, как будто схватился за паровоз, – все мышцы были как чугунные. Я подумал, если бы тебя в этот момент ударили бы топором, то топор, наверное, рассыпался бы. Вот, что значит бешенство!

– А Дапа, – со смехом добавил Шплинт, – чуть что, так он самый старый в бригаде. А тут рванул так, что в речке первым оказался. И самое главное, при этом брагу в кружке не расплескал, в речке допил по горло в воде, – закончил он под всеобщий хохот.

– Я пожалел, что у меня секундомера с собой не было, – подлил масла в огонь общего веселья Шпана, – вы там все мировые рекорды по бегу побили.

Всю эту картину от начала до конца наблюдали с эстакады работяги соседней пятой разделочной бригады. Поэтому история о том, как Бурый всю бригаду в реку загнал, быстро расплзлась по всей зоне, обрастая новыми, иногда совсем фантастическими подробностями. На Бурого и до этого посматривали с уважением, хотя он в конфликты старался не вступать, в «авторитеты» не лез, к группировкам не примыкал. Все, кому надо, знали, что в своё время при переводе с «малолетки» во «взрослую» зону Валера до смерти заколотил одного громилу, попытавшегося его унижить, за что и получил второй срок. Силу в любой зоне уважают.

После последних событий самые влиятельные «авторитеты» попытались подтянуть Бурого поближе к себе, чтобы использовать в качестве «торпеды» при необходимости. Но Шпана, обладавший природным чутьём, изворотливостью и даже некоторыми дипломатическими способностями, сумел отклонить все эти поползновения и убедить Валеру остаться в его бригаде. А добиваться от Бурого чего-то силой даже авторитеты не решились.

Как ни странно, но это событие сплотило ещё сильнее и без того довольно дружную вторую бригаду. Люди здесь ощущали себя единой семьёй, отношения внутри бригады были вполне братские. А наличие в бригаде такой яркой личности, как Бурый, как бы усиливало ощущение защищённости. Тем более, что Шпана старался формировать бригаду по принципу землячества. Сам будучи свердловским, он всеми правдами и неправдами перетягивал в бригаду землячков, знавших друг друга по свободе или имевших общих знакомых. Но иногда начальство делало ему «подарки», навязывая с этапа кого попало, вроде этих двух кавказцев.

– А что стало с этими... пострадавшими? – спросил Вадим, когда оживление в камере несколько улеглось.

– Керим в себя так толком и не пришёл. – Шпана равнодушно пожал плечами. – Месяц пролежал в санчасти, потом его куда-то отправили. В общем, что с ним, мы даже не знаем. Да, собственно, и не интересовались. Гусак осенью откинулся по звонку. Ему тут перед освобожд-

дением родичи привезли золотую монету, чтобы зубы вставил вместо выбитых. Вот ему наш лучший зубной мастер Цыбульский и сделал красивые золотые зубы из латуни.

– Не из латуни, а из рандоля, – поправил Шпану Карташ под взрыв хохота.

– Какая нах... разница!

– Рандоль медленнее окисляется, чем латунь. – серьёзным тоном возразил Карташ, что опять развеселило народ.

– Короче, греет он сейчас жопу на солнышке родного Кавказа, мандарины виноградом заедает, если опять не сел, – закончил Шпана. – А монета долго тут гуляла по зоне, – продавали, проигрывали, потом ушла куда-то на посёлок вольным в обмен на водку. Кстати, вечером в тот же день меня вызвал в кабинет наш опер Рагозин и рассказал всё подробно, что произошло. Такое впечатление, как будто он вместе с нами сидел и бухал. Но, молодец, сказал, что уголовное дело возбуждать не собирается, всё прокатит как производственная травма. Поручил мне самому собрать объяснения с бригады, что мы и сделали.

Глава 13

Слушая рассказ о собственных похождениях, Вадим, наконец, вспомнил Бурого. Вспомнил как раз по этому случаю во второй бригаде. Он тогда проводил проверку по факту травмы. И хотя он прекрасно знал по оперативным данным, как была получена травма, сделал всё, чтобы списать её на производственную. Это была обычная практика. При возбуждении любого уголовного дела в первую очередь наказывали оперсостав за плохую профилактику преступлений. А любое взыскание автоматически влекло за собой отсрочку в получении очередного звания и другие неприятности. Поэтому сама система вынуждала заниматься укрывательством преступлений. Вспомнив об этой неприятной части своей работы, Вадим подумал, что и в двадцать первом веке наверняка ничего не изменилось. В тот раз подтасованные материалы проверки он передал инспектору по технике безопасности, и всё было списано на производственную травму.

Бурый запомнился как-то смутно. Точнее забылся за прошедшие годы. Был молодой парень, который выделялся из общей массы физической силой, но после этого случая он в поле зрения оперчасти, видимо, больше не попадал. То ли освободился по окончании срока, то ли ушёл на этап, – Вадим уже не помнил.

Зато хорошо вспомнил своего агента, который освещал ему обстановку во второй бригаде в это время. Фамилия – Козлов, псевдоним с годами забылся. Сообщение оставлялось в дупле чурки, валявшейся возле транспортёрной ленты между штабелями древесины. Во время съёма с работы, проходя мимо опера, агент говорил: «Добрый вечер», что означало – письмо ждёт получателя. Если сообщения не было, – проходил молча. В этом же дупле Вадим оставлял задание и небольшое вознаграждение – чай, сигареты.

В этой же бригаде работал друг и подельник Козлова – Венедиктов. Когда-то они вместе отбывали срок в колонии-поселении. Когда обоим оставалось до конца срока меньше месяца, они как-то вечером, пользуясь бесконтрольностью администрации, наладились спиртного до неменяемого состояния. Потом уже никто не смог вспомнить причину ссоры, в результате которой Венедиктов взятым со стола ножом, которым резали закуску, ударил Козлова в живот. Потом на какое-то время оба протрезвели с перепугу, засуетились, перевязали рану, после чего опять выпили. Немного погодя, Козлов, возмущившись таким поступком друга, этим же ножом ударил в живот Венедиктова. Когда их обнаружил дежурный наряд, оба уже были чуть живы от алкоголя и потери крови. Их сначала вылечили, а потом осудили за нанесение тяжких телесных повреждений по ч.2 ст. 108 УК РСФСР, добавив обоим по восемь лет и признав особо опасными рецидивистами. Новый срок они отбывали в ИТК-22 в одной бригаде, оставаясь такими же неразлучными друзьями. У Вадима даже было подозрение, что и «стучат» они в паре, так как скрыть от друга, например, источник получения курева и сигарет Козлову было практически невозможно.

Причём агентурная информация поступала от источника с учётом его шкурных интересов. В частности, о том, что в бригаде была поставлена брага в большом количестве, источник промолчал, рассчитывая принять участие в её распитии. Но такими были практически все негласные сотрудники оперчасти. И Вадим это воспринимал как должное.

Сейчас, взглядываясь в лица сокамерников, Вадим пытался вычислить Козлова с подельником, но, видимо, время полностью стёрло из памяти их лица. «Ничего, – размышлял Вадим, – если я здесь задержусь, то в процессе общения поневоле придётся выяснить фамилии и клички всех сокамерников. Интересно, что будет написано в очередном сообщении о Буром? Что у него сдвиг по фазе?»

Глава 14

После обеда Вадим решил, что лучше всего было бы поваляться и подремать на своём законном спальном месте, и полез на нары. Шпана и Карташ после перекура устроились рядом, но любопытство видимо не давало им лежать спокойно.

– Слышь, Валера, – не выдержал Шпана, – ты хоть Расскажи немного, что там нас ждёт – в будущем? И при это хитро подмигнул Карташу, мол, пусть заливаает.

– Да ничего хорошего, если разобраться, – Вадим задумался, что стоит говорить, а что – нет. – С приходом к власти Горбачёва, а это будет уже скоро – в 1985 году, – начнётся перестройка. То есть из социализма потихоньку начнут делать капитализм. Постепенно с прилавков магазинов исчезнут все продукты и другие товары. Всё будет в дефиците: сигареты, колбаса, спички, мыло, – всё. А когда начнётся борьба с пьянством, – за спиртным будут стоять очереди, как в мавзолей. Расцветёт бандитизм. Разборки между бандитскими группировками будут происходить иногда чуть ли не в центре крупных городов. В том числе и Свердловске. Причём с применением автоматов и гранатомётов. В русском языке появятся новые слова. Такие как рэкет, киллер, путана, ваучер, мобила, компьютер, ноутбук, интернет... но это уже попозже...

– Погоди, не торопись, – Шпана помотал лохматой головой, – это ты сейчас на каком языке говорил? Переведи хоть что-нибудь.

– Объясняю. Рэкет – вымогательство. Бандиты запугивают владельца любой точки, которая приносит прибыль: магазин, ресторан, кафе, киоск, рынок, цех по пошиву одежды, автозаправку, ремонтную мастерскую и т. д и т. п. Владелец им отстёгивает процент от своей прибыли. Если отказывается, – будут бить, пытать, мучить его или его близких – жену, детей. Если и потом не согласится, – убьют. Заниматься этим будут банды, состоящие в основном из молодых здоровых спортсменов. Такие урки, как вы, там будут не нужны. Хотя и обычная преступность: карманники, домушники, гопники, – как была, так и останется.

– Ты сказал «владелец точек», – Шпана удивлённо смотрел на Вадима, – у нас же государственные магазины, кафе. Заправки и... что ты там ещё говорил?

– Это – пока. Горбачёв станет у власти и разрешит предпринимательство. Сначала – кооперативы, потом частные лавочки и фирмы. А потом и фабрики, заводы, газеты, пароходы станут частными. Всю собственность страны оценят и разделят на всех граждан. Каждому выдадут специальный документ – ваучер – как его законную часть этой собственности. Наш народ по простоте и неопытности толком и не понял, что делать с этими ваучерами. А кто поумнее – собрали их в кучу, – выкупили, выдурили через всякие фонды у людей и на них уже купили в личную собственность фабрики, заводы, стали капиталистами. А работяги как работали на этих заводах, так и остались работать, только уже не на государство, а на хозяина.

Этот переход собственности от государства в частные руки называется приватизацией. Вот вам ещё одно новое слово.

Когда начнут приватизировать квартиры, продавать их, люди поймут, что жильё стоит больших денег, а то всё как-то на халяву его получали от государства. За квартиры даже будут убивать друг друга.

– Все подряд что ли убивать будут? – Не выдержал Карташ.

– Не все. Я не так выразился. Например наследники своих предков. Но опять же не все, а отдельные выродки. Целые криминальные группировки будут охотиться за одинокими пьяницами, чтобы спить их окончательно и завладеть квартирой.

– А зачем им несколько квартир? – Карташ в недоумении пожал плечами.

– Квартира – это деньги, большие деньги. Продал её и гуляй, не месяц – два, а несколько лет можешь в кабаках обедать, ездить на курорты. Или машину, например, купить, самую дорогую иномарку.

– Какую... марку?

– Машину иностранного производства. Они хоть и дороже, но надёжнее и комфортнее, чем наши отечественные.

– Ну ты даёшь! – Карташ, как бы ища поддержки, растерянно взглянул на Шпану, остолбенело сидевшего с открытым ртом. – Хочешь сказать, что иностранную машину можно будет свободно купить? Или как сейчас Жигули – по очереди или по благу с переплатой?

– Свободно. В начале девяностых их ещё как-то маловато будет, но к двухтысячному в том же Екатеринбургу автосалонов будет полно, это где продают новые – нулёвые – машины. Причём специализированные, например «Тойота – центр», «Форд» и другие, где будут продаваться определённые модели.

– Ништя-я-я-к! Значит и угонять будут?

– Ещё как! Правильно соображаешь. Такую машину угнать, – это не квартиру обчистить у какого-нибудь работяги. Или чью-то зарплату из кармана у пьяного вытащить в трамвае. Так что, господа уголовники, советую заранее менять воровскую специальность.

– Так а нам и менять то нечего, – Шпана заржал, широко открыв рот с золотыми фиксами, – я – баклан по жизни, кому-нибудь по пьяни рыло начищу, и – к хозяину на три – четыре года. Сейчас, правда, планы серьёзные, возвращаться сюда не собираюсь, хочу пожить на свободе. Карташ тоже без специальности. Тоже по пьянке пузо распорет кому-нибудь, и – на командировку. Четвёртая ходка по сто восьмой. А специалисты... Царапаный, например, свою профессию карманника ни на что не променяет.

– Царапаный? Я, кажется, слышал про него, когда жил в Екатеринбурге. Или в городе был другой знаменитый карманник с такой кличкой?

– Нет. Другого такого в Свердловске нет. Погоняло у него редкое. – Шпана насторожился, – а что ты слышал.

– В общем, у меня там был один прапорщик в группе, с которой я работал...

Вадим замолчал, выдерживая паузу, в то же время обдумывая, как бы не выдать свою подозрительно хорошую осведомлённость о друге Шпаны, освободившемся за два месяца до него.

Царапаный был легендарной личностью в криминальном мире Свердловска. Его прекрасно знали в лицо все сотрудники городской милиции, занимавшиеся карманными кражами, так же, как и он их. Но поймать его с поличным и упрятать за решётку за кражу, им не удалось ни разу. Поэтому Царапаный отбывал небольшие сроки за тунеядство, мелкое хулиганство, за надзор. Иногда оперативники, получив нагоняй от начальства, устраивали охоту на неуловимого карманника. Если к ним поступала информация, что Царапаный с компанией гуляет в ресторане, обмывая удачную кражу, его встречали на выходе, задерживали за нахождение в нетрезвом виде в общественном месте и везли в вытрезвитель. А там «находили» в его кармане дозу героина или другого наркотика, что позволяло на два-три года избавить город от опасного карманника. И неважно, что наркотики он никогда не употреблял.

Сам Царапаный к таким «посадкам» относился философски, воспринимал как должное, старался поменьше подставляться, но натура брала своё.

Общительный и неунывающий характер Царапанного, авторитет карманника и обширные связи позволяли ему легко отбывать срок в любой зоне. Тем более, что срока были небольшие. Когда он прибыл в ИТК-22 со своей последней «ходкой» – один год за нарушение правил надзора – ему до конца срока оставалось меньше трёх месяцев. Числился в группе освобождения с момента прибытия, на рабочий объект не выводился, ему уже было разрешено носить короткую причёску.

Молодые оперативники Рагозин и Ястребов иногда просто для развлечения вызывали Царапанного в кабинет оперчасти. И тот, увлѣкшись, рассказывал о своих похождениях на свободе, абсолютно не комплексуя и не боясь, раскрывал тонкости профессии карманника. В качестве примера с тонким юмором так описывал некоторые эпизоды, что опера от смеха развело по полу не катались.

Находясь на свободе, Царапанный ни один день не работал. Чтобы не цеплялись органы, он устраивался, как правило, дворником, в чьи обязанности входило подметать по утрам определённый участок улицы. Затем находил двух пенсионерок и договаривался, чтобы каждая из них подметала половину его участка. При этом каждой честно платил полную свою зарплату. Например, если у него, как у дворника зарплата была сто рублей, то он каждой пенсионерке платил по сотне. В общем все были довольны

– Ну так вот, – продолжил Вадим, – жена этого прапорщика дружила с женой Царапанного. Вот от него я и узнал, что известный в Свердловске карманник повесился. Потратил какие-то общаковые деньги, а вовремя вернуть не смог. Напился и повесился. Жена его – Рая – говорила, что его бы простили, его хорошо знали, он бы вернул эти деньги, так что это он зря...

– Точно, его жену Раей зовут, – Шпана даже подпрыгнул от волнения, – я её хорошо знаю. Он её одевает как куклу, золото на каждом пальце. Бли-и-ин! Неужели Толян Царапанный из-за каких-то паршивых денег может вздёрнуться?

– А что, запросто! – Карташ приподнялся, упёршись локтями. – Он, когда выпьет, какой-то обидчивый становится. Помнишь, как мы тут перед его освобождением бухали.

– Ну да. Надо будет с ним побазарить. Он меня через неделю встречать будет. Обещал кабак организовать.

Глава 15

– Бурдаков, – на выход! – В распахнутой двери камеры стоял молодой капитан, на левом рукаве бушлата у него краснела повязка с надписью ДПНК. – П-п-пошевеливайся, хозяин ждёт!

– Ого! Сам кум Заика за тобой пожаловал, – негромко произнёс Шпана, – видимо здорово ты Рагозина зацепил.

Вадим и сам уже узнал капитана. Кум Заика, он же Захарчук, первое время работал вместе с Рагозиным в оперчасти. Но потом, когда на освободившееся место начальника оперчасти назначили не его, а молодого лейтенанта Ястребова, только что закончившего Вильнюсскую школу МВД, Захарчук обиделся и перешёл работать дежурным помощником начальника колонии. При этом он до своего ухода на пенсию в разговорах постоянно подчёркивал, что он раньше работал опером – «кумом», и что Рагозин, к тому времени ставший начальником оперотдела, учился у него азам оперативной работы. Хотя сам Рагозин так не считал,

Будучи секретарём первичной парторганизации, Захарчук много крови попортил Рагозину, – злостному нарушителю трудовой дисциплины. Сам Захарчук спиртное употреблял мало, но старался участвовать во всех «мероприятиях» с употреблением спиртного, прислушиваясь и запоминая пьяные разговоры. За что его и недолюбливали большинство сотрудников. Когда началась горбачёвская борьба с пьянством, Захарчук, демонстрируя усердие в поддержке линии партии и партийную принципиальность, почти в открытую «закладывал» начальству сотрудников, появившихся на работе с запахом спиртного.

– Кажись, Мигалов сегодня опять д-датый, – доносил он на ухо начальнику колонии, и тот, морщась в душе и матерясь про себя, вынужден был принимать меры. «Датый» – это стало второй кличкой Захарчука.

Однажды Рагозин после очередного залёта с пьянкой был наказан через суд чести, – понижением в должности с начальника оперчасти до рядового опера с возложением обязанностей и.о. нач. оперчасти. И уже, когда казалось, что все нервы вытрепаны, всё начало забываться и входить в привычную колею, из отпуска вышел Захарчук. Узнав, что по партийной линии Рагозин не наказан, Датый развил бурную деятельность. В результате на внеочередном партсобрании Рагозин получил выговор с занесением, который потом утверждали на партбюро отделения, а затем – в райкоме. И каждый раз в деталях обсуждался один и тот же проступок. Рагозин прекрасно осознавал свою вину, но тем не менее, каждый раз выслушивать грязь про себя было крайне неприятно. А через год этот выговор надо было снимать, и опять во всех этих инстанциях вспоминали и перемывали кости за всё тот же случай.

Тогда ещё будучи молодым и здоровым, Рагозин недопонимал, что при мотании нервов на этих собраниях изнашивается сердце и другие части организма. Всё это аукнулось уже после того, как возраст перевалил за сорок, о чём он и размышлял в больнице, готовясь к операции.

Уже будучи на пенсии, общаясь по Интернету с пуксинской диаспорой, Вадим узнал, что Захарчук умер от инфаркта, не дотянув до шестидесяти лет. И сердце ему посадил собственный сын Лёшка, получивший контузию в Чечне во время срочной службы в армии. По рассказам бывших земляков, сынок пил беспробудно, дрался с отцом, что, видимо, и привело к инфаркту.

Сейчас, поглядывая на молодого ещё и самоуверенного Захарчука, и точно зная, как тот проживёт отведённые ему судьбой оставшиеся годы, Вадим не испытывал к нему какой-либо неприязни. Скорее какое-то грустное сочувствие. Свой сынок такой же балбес вырос. Они с Лёшкой ровесники, одноклассники. Кстати, сколько же им сейчас? 82 минус 78, – четыре годика всего! Обалдеть! Может стоит попытаться как-то вмешаться в процесс воспитания? Вадим даже усмехнулся своим мыслям, направляясь к двери из камеры.

– Что лыбишься? Б-бушлат накинь, не май м-месяц! – Проявил заботу Захарчук. – И шевели поршнями, не заставляй хозяина и кума тебя ждать!

«Вот козёл! – Ругнулся Вадим про себя. – Про кума мог бы и не говорить.» Хорошо хоть здесь все в курсе. А вообще любой вызов зека в оперчасть «к куму» настораживал обычно всё его окружение. На особом режиме все прекрасно понимают, чем занимается оперативная часть в колонии. И чтобы не быть заподозренным в стукачестве, у вызванного должна быть веская причина. Уж кто-кто, а бывший опер Захарчук прекрасно это знал. И проговорившись о присутствии опера в кабинете у начальника колонии, он умышленно пытался обострить отношения между осуждёнными в камере или подставить возможного агента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.